

Колесничие Фортуны

Автор:

Владимир Сержин

Колесничие Фортуны

Владимир Сержин

Институт экспериментальной истории #3

Вы – сотрудник Института Экспериментальной Истории. Работка, между прочим, еще та – шататься по параллельным реальностям и восстанавливать нарушенную историческую справедливость!

Ваше задание продолжается. А вы – и уже давно – впали в легкую истерику. Потому что очередная невыполнимая – или, по понятиям вашего начальства, вполне выполнимая – миссия помощи плохому монарху, плохому поэту и славнейшему из рыцарей Ричарду Львиное Сердце увязла в некоем немыслимом сказочном болоте

И что вам весь опыт предыдущей деятельности, коли работать придется черт знает с кем – со злобными (по роду профессии) магами, гнусными (по видовому признаку) драконами и коварными (по закону жанра) эльфами?!

О чем вы думали, господин научный оперативник, когда вступали на славный путь «героев, опоясанных мечами»?!

Пролог

Очевидно, они жалкие материалисты, совершенно неспособные оценить символический смысл сверхчувственных явлений.

– Нет, нет и нет, – устало повторял Отпрыск, вертя в пальцах отточенное гусиное перо. – Сколько раз можно возвращаться к этой теме?

Он положил свою белую холеную руку на бронзовую чернильницу, изображающую нешуточную схватку святого Георгия с небольшим, но довольно упитанным дракончиком, и ничтоже сумняшеся откинул в сторону зеркало честного рыцарства, массирующее спину несчастной рептилии копытами своего коня.

– Мой дорогой, вас, вероятно, ввели в заблуждение, принимая на работу. Я высоко ценю ваше боевое прошлое, однако мы не занимаемся специальными операциями во вкусе Джеймса Бонда. Мы – институт, и как бы это ни было для вас противно, все здесь происходящее имеет отношение к науке. Спасение же мира, о котором вы изволите говорить, есть не более чем занятная иллюзия, впрочем, полагаю, как и сама опасность, ему угрожающая.

Шеф ткнул пером в разверстое чрево ящера, наполненное чернилами, и изящным росчерком вывел на моем обосновании командировки каллиграфическую надпись: «Отказать». Посыпав песком высыхающую «драконью кровь», он встал из-за стола и, вернув на место бронзового драконоборца, развел руками, словно показывая, какое большое «Отказать!» он имеет в виду.

– Но, монсеньор, – я безнадежно попытался вставить свою реплику, – дело, о котором я говорю, имеет несомненную научную ценность, к тому же, мое слово чести...

– «Слово чести», насколько я понимаю смысл этого понятия, – перебил меня начальственный вельможа, – прежде всего обязывает не раздавать его направо и налево при первом же удобном случае. А насчет «научной ценности», о которой вы изволите говорить, – он возложил персты свои на голову святого Георгия и нежно провел ими по начищенному мориону,[1 - Морион – открытый шлем с железными полями и высокой тульей, увенчанной гребнем. Относится к XVI-XVII вв. – Здесь и далее примеч. авт.] словно демонстрируя, как, по его мнению, должен выглядеть образцовый подчиненный, – позвольте судить об этом людям, более сведущим, нежели вы. Вы прекрасно делаете свое дело, мой

дорогой, но не стоит отбирать хлеб у разработчиков. Это чужой кусок. И поверьте, он отнюдь не слаще вашего.

Отрешившись, я с явным интересом созерцал всадника, уже который век чесавшего своим грозным копьём за ухом оскаленную в блаженной улыбке драконью морду.

Я помнил этот письменный прибор. По всем каталогам творчества Бенвенуто Челлини этот прибор был изготовлен во время «французского периода» творчества Маэстро и предназначался в подарок августейшему покровителю буйного ваятеля, королю Франциску I. К немалому сожалению апологетов и исследователей творчества Мастера, подарок таинственно исчез, не дойдя до адресата, и был известен лишь по рабочим эскизам. Оказывается, не только по эскизам, если, конечно, передо мной не находилась современная подделка, в чем я, зная щепетильность шефа в отношении ценности произведений искусства, сильно сомневался.

– Итак, вы решительно отказываетесь утвердить мою командировку? – подвел я итог нашей беседы.

– Вас мучают какие-то сомнения на этот счет? – удивился Отпрыск, откладывая в сторону мои записки и давая тем самым понять, что аудиенция закончена. Сомнения меня не мучили. Сказать по правде, я был внутренне готов к подобному ответу. По выражению лица нашего вельможи складывалось впечатление, что я приставал к нему с этой просьбой уже в сотый раз. По моим же подсчетам выходило – только в седьмой. Интересно, что он запоем раза эдак после пятнадцатого?

– Тогда прошу вас, монсеньор, предоставить мне отпуск, полагающийся за этот год, а также, если возможно, за прошлый и позапрошлый, – тихо произнес я, втайне любуясь произведенным эффектом.

Это был мой последний туз из рукава. Отпустить на четыре с половиной месяца ведущего специалиста было никак невозможно. Брасид в поте лица трудился над новым витком брасидоцентрической истории сопредельных миров, могучий и непобедимый Мишель Дюнуар, вернувшись из Хумаюна, во весь свой двухметровый рост валялся на ложе печали, дымя гнусными сигаретами и страдая ранами душевными и физическими. Гора низкопробных детективов у

его одра достигала уже угрожающих обычной человеческой психике размеров, однако не думаю, чтобы хоть один из них оставил какой-то след в мятущейся душе моего друга.

Все шло своим чередом. Насколько я знал, на смену детективам должны были прийти вестерны, и только после этого он был бы вновь готов к работе. Кто еще? Считай – все. Остальные асы находились вне пределов этого мира, что, при условии нашего с Лисом отдыха где-нибудь на Багамах, сводило дальнейшую работу лаборатории к угрожающему минимуму.

Отпрыск испытующе посмотрел на меня, пытаюсь понять, держу ли я его за идиота или же только за дурака.

– Непременно, – произнес он после некоторой паузы. – Похоже, вы действительно переутомились. В ваше распоряжение дается три дня, чтобы привести себя в порядок и вновь приступить к работе. Вы свободны, милостивый государь. Не смею вас более задерживать.

Он вновь вернулся к лежащим на столе бумагам, витиеватой скорописью обозначая среди волн этого бумажного моря загадочный маршрут своего белого, словно яхтенный парус, пера.

– Да! – как бы невзначай бросил он мне вдогонку. – Не забудьте на выходе сдать пропуск в Сектор Переброски.

Глава первая

Связи – нервы политики.

Лорд Сен-Джон Болингброк

– Ну что?! – встретил меня вопросом Лис, водрузивший на стол обе свои мосластые нижние конечности и теперь с садистским наслаждением терзающий намертво расстроенную гитару. – Как и ожидалось: от мертвого осла уши?

– Команда «Обломись», – мрачно кивнул я.

Сережа подкрутил колок и вновь забегал пальцами по ладам:

Звезда надежды не взошла на небеса,

И колесо Фортуны мимо прокатилось,

И муза с возмущеньем удалилась,

Застав меня небритым и в трусах.

– Послушай, Капитан, – мой верный напарник отложил инструмент и серьезным голосом начал меня усовещивать, – я, конечно, тупорылый, как «БелАЗ», но вот ты, умный, объясни мне, чего ты маешься? Если тебе уж так печет возвращаться – свяжись с Расселом. Всего-то делов набрать номер. Тебе цифирки запомнить? А если нет, успокойся и не рви душу. Пройдут годы, усэ наладится, – закончил он сладко-певучим голосом провинциального дьячка.

Я отрицательно покачал головой. Поддерживать его ерничество мне не хотелось.

– А! – махнул рукой Лис. И перешел на тон трагика-аматера. – Чего от вас ожидать! Англосаксы – одно слово! Сами себе ладу не сложите. То ли вы англы, то ли, наоборот, саксы?!

– Друг мой, – усмехнулся я, – ты же отлично знаешь, что я вестфольдинг, а не англосакс.

– Ага! – не на шутку раздухарился Лис. – А я кто? Я – чистокровный арий. Чего это ты зубами светишь мне в лицо? – не унимался он. – У нас там, дома, в кого ни плюнь – чистокровный арий. Правда, правда. Наш же вклад в мировую цивилизацию, как говорится, не вырубишь топором. Смотри сам. Для Европы Аттила кто? Бич Божий? А для нас – обычный наш родной, так сказать, домотканый, кондовый Богдан Гатила. И гуны его – никакие там не венгры и уж тем более не монголы! Это все – наши раннеисторические хохлы. А название у них такое оттого, что они все разговаривали в нос. Гунявили то есть, по-нашему, что, ежели учесть ветры, которые у нас по степу гуляют, совсем понятно. А кроме того, так что ж, что гунявят – тоже мне, нашли недостаток! После их

нашествия, почитай, вся Франция в нос разговаривает. А почему, спрашивается? Ассимиляция! Слово есть такое умное. Неделю учил, – во всю прыть развлекался Сережа.

– Я знаю, – понимающе кивнул я, принимая на себя всю мощь Серегиного речевого водопада.

– Да что там Франция! – продолжал изгаляться мой друг. – У нас вон недавно нарыли: оказывается, кореш-то наш, Ричард, – такой же Плантагенет, как я – король Лир. – Он огляделся по сторонам, встал, подошел к двери, поглядел, не подслушивает ли нас кто-нибудь, и произнес заговорщицким шепотом: – Он – сын нашего князя Василько. Только это, конечно, между нами. Дику об этом говорить не стоит, а то он совсем диким станет. Ты что, мне не веришь?! – мучительно пытаюсь сохранить серьезный вид, продолжал свои излияния Лис. – Это ж научный факт. У нас даже по TV это крутили. Видеокассета с тех времен сохранилась. Скрытой камерой, понятное дело, снимали.

Мой друг сделал многозначительную паузу, осанился, расправил плечи и подкрепил свою тираду в честь национальной гордости малороссов многозначительным поднятием правой брови и прищуром левого глаза. Видимо, он бы и сам был рад прекратить перечисление всего того, чем богаты исторические поля его Родины, но словесный водоворот тащил его все глубже.

– Да что там Европа! Вот смотри. Все эти восточные рукомашества и дрыгоножества – это что? Правильно! Ухудшенный вариант нашего гопака. Дальше. Будда – тот тоже наш. Что, не веришь? Поезжай ко мне на родину, сам посмотри. Там даже город такой есть – Буды... Да что я рассказываю! Всего не перечесать. В общем, куда ни кинь, как ни тужься, все равно выходит: боевой хохляндский мамонт – предок всего мирового братства слонов. Я вот как-то в мать-отец городов русских – Киев – ездил, даже скелет этого мамонта в музее видел. Там мне один тамошний кореш все и рассказал. Правда, говорил, что мясо евойное доисторические предки клятых москалей съели.

– Лис, Господи праведный, что ты несешь?!

– Та ото ж! Ерунду несу. Капитан. Зато как складно! – отмахнулся Сережа. – А кроме того, ты вот на человека хоть стал похож, а не на сфинкса египетского, который от сушняка так закаменел, что у него аж песок из ушей сыплется. Сходи

домой, Капитан, отдохни, расслабься. Как говорит народная мудрость: работа – не деньги, кончиться не может. А кроме того, утро вечера мудренее.

Лифт с ревом разъяренного дракона рухнул в наше подземелье. Пасть его угрожающе открылась, и из нее выскочил мой старый знакомец Ивар Салюнис из отдела ликвидации, подвижный, словно шарик ртути. На него был напялен тяжеленный доспех, носивший в недрах Института название «бронепоезд». Злые языки поговаривали, что, не таскай он эту неподъемную веригу, его просто ни минуты нельзя было бы удержать на месте.

– Извини, спешу! – произнес он, отодвигая меня в сторону и порываясь мчаться дальше.

Это была чистая правда. Все годы, которые я знал Ивара, он постоянно спешил.

– Как там бабуля? – кинул я ему вслед.

Салюнис на секунду остановился. Байки о причудах его престарелой родственницы, то и дело попадавшей в самые невероятные ситуации, переходя из уст в уста, обрастая новыми деталями и подробностями, в какой-то мере скрашивали «межполетную» скуку нашей конторы.

– Представляешь, по дороге из аэропорта в Чикаго ей пришло в голову, что ее драгоценную персону похитили террористы из Ирландской республиканской армии.

– И что?

– Она накинула свою трость на шею водителю такси и принялась его душить. Хорошо, что в машине она была не одна. Но я представляю себе, какое родео было на спидвее.

Я тоже представлял. И это почему-то не веселило. День, что ли, сегодня был такой.

Мое берлогово вполне могло претендовать на звание крепости, но вот дом в привычном смысле этого слова оно напоминало мало. Замок открываться не желал. Я уныло потыкал ключом в замочную скважину и, обреченно вздохнув, двинул кулаком туда, где располагалась вся повышенная секретность этого «не лающего, не кусающего, а в дверь не пускающего» чуда техники. Механизм ошеломленно клацнул, разбронировав дорогу для ключа.

«Дом, милый дом», – пробормотал я, переступая порог.

Малыш брауни,[2 - Брауни – в Англии: существо вроде домового. Дух – хранитель дома. До сих пор в сельской местности существует обычай ставить брауни миску сливок.] подобранный мною во время одного из вылетов в каком-то разрушенном замке, церемонно приветствовал приход хозяина дома. Будучи истинным английским домовым, взлелеянным в возвышенном рыцарском духе, он никак не мог смириться с простотой современных нравов. Во время моего отсутствия он старательно изучал толстенные тома по генеалогии и геральдике, взяв в рот поглощая все приходившие на мой адрес новинки и выписывая при помощи моей кредитной карточки массу абсолютно бесполезной литературы.

Отсалютовав согласно рыцарскому протоколу крохотной алебардой, он четко доложил мне обо всех телефонных звонках и корреспонденции, аккуратно сложенной в стопку на письменном столе.

Я церемонно поблагодарил его и попробовал взять в руки верхний конверт. Неожиданно не сильный, но вполне ощутимый удар тока заставил меня отказаться от своего намерения.

Брауни сконфузился и, взобравшись на стол, принялся делать над письмами какие-то пассы. Бдительный страж моего покоя имел обыкновение защищать магическими заклятиями принадлежащие мне предметы, причем всякий раз я не знал, что ему придет в голову защитить в этот раз.

Закончив магические действия, он с радостью ухватил принесенный мной пакет сливок и, устроившись на толстом томе бехаймовской «Энциклопедии оружия», стал с видимым удовольствием поглощать вожаделенный напиток.

Отложив в сторону счета, я вскрыл пакет с письмом и углубился в чтение.

Письмо было от кузины Бетси, которую я не видел уже бог весть сколько лет, а новости о ее жизни узнавал из раздела светской хроники.

Моя нежная кузина выражала очередное сожаление, что моя работа на секретной базе не позволяет нам видаться так часто, как этого бы хотелось, и выражала надежду, что уж эту-то встречу всех потомков нашего рода в замке Камбэртон я точно не пропущу.

В дверь позвонили. «Сходи посмотри, – мысленно кивнул я домовому, – кого там принесло?»

Брауни бегом отправился выполнять поручение. Вернувшись, он встал в подобающую случаю позу и чопорно произнес: «Мишель Дюнуар де Катинвиль, барон Священной Римской империи!» – и трижды стукнул алебардой об пол.

Родство Дюнуара с имперскими баронами ясно прослеживалось, однако я не слышал, чтобы кто-нибудь, кроме моего брауни, именовал его так. Обычно его называли «Два мэтра», и не столько за двухметровый рост, сколько за то, что из всех созданных гением человечества высоких искусств он признавал лишь два – фехтование и кулинарию. Надо сказать, и в том и в другом он был непререкаемым авторитетом. Был у него еще официальный позывной «Вагант», полученный им за невыразимое сходство с вечным студентом средневековой Сорбонны.

– Привет, – сказал он, входя в комнату и едва не наступая на домового. – Ну, что у нас плохого?

– Бабушка Ивара едва не удавила своей тростью водителя такси по дороге в Чикаго.

Мишель задумался.

– М-да, м-да. Я к тебе, собственно, вот зачем. У тебя шпаги и даги[3 - Дага – кинжал, используемый для фехтования двумя руками – шпага и дага.] далеко? Я тут лежал и вот удумал одну штуку. Домой ехать далеко, а в Конторе уже все закрыто. Попробовать надо.

Открыв стеллаж, я вытащил два дивной работы набора, кованные Ортуно д'Агирре-старшим в конце шестнадцатого века.

– Ага. Именно, – произнес Дюнуар, взвешивая в ладонях оружие. – Ангард![4 - Защищайся!]

Я встал в стойку, внутренне готовясь отразить ту каверзу, которую «удумал» мой добрый друг.

Позвеневав немного клинками, мы перешли к решительным действиям. В тот момент, когда я попытался провести очередную контратаку, дага противника скользнула по клинку моей шпаги так, словно желала снять с нее стружку. Раздалось печальное «дзинь». Мое оружие, развернувшись где-то так градусов на сто шестьдесят, с силой врезалось в оконное стекло, оставляя в нем изрядную дыру.

– М-да, – задумавшись, произнес Мишель, останавливая острие своей шпаги в двух пальцах от моего горла, – где-то вот так.

Встревоженный звоном разбитого стекла брауни, не допив свой напиток, примчался в гостиную. Всплеснув руками, он торопливо принялся убирать осколки, что-то бормоча себе под нос. Честно говоря, малыш домовой недолюбливал месье де Катинвиля, ибо практически каждый его визит грозил ему лишней уборкой.

Поворчав пару минут, брауни сообщил, что чайник закипел и он приглашает джентльменов на файв-о-клок. Дюнуар радостно отправился заваривать чай, ибо это священнодействие он не доверял никому, а я с некоторой грустью отметил, что пачку чая придется покупать новую, поскольку после моего друга заварки не оставалось никогда. Боюсь, чтобы удовлетворить его запросы к крепости этого древнего напитка, понадобился бы весь груз «Катти Сарк».

Мои размышления на эту тему были прерваны возмущенным трезвоном. Телефон, распираемый какими-то своими электрическими эмоциями, аж разрывался от звона, упорно не желая униматься.

Малыш привычным жестом подхватил трубку и, пыхтя от натуги, уложил ее возле аппарата.

– Вас слушают, – заученно произнес он в микрофон и быстро перебрался на другую сторону, чтобы услышать ответ. Помедлив секунду, брауни принял вид заправского дворецкого и сообщил куда-то в пространство голосом, полным глубочайшего почтения:

– Его светлость Джозеф Рассел, двадцать третий герцог Бедфордский!

– Ты дома? – донеслось из трубки. – Это хорошо, мы сейчас приедем.

– Кто это – мы? – попробовал узнать я, но добиться вразумительного ответа от библикающего телефона мне так и не удалось.

И они приехали. Со стороны это, видимо, напоминало совместное выездное заседание палаты лордов и агентства фотомоделей. Несчастный брауни с нескрываемым ужасом взирал на автостоянку, забитую «порше», «роверами» и «феррари», и только с трепетом шептал, едва не заикаясь от волнения: «Лорд Дорвич, семнадцатый граф Уэрвилл... лорд Лоунер, пятнадцатый маркиз Моршез... Рыцарь Лафорт оф Баруэлл», – вздыхал он с облегчением, слышав имя благородного джентльмена, чей род во времена войны Роз еще не мог похвалиться древностью.

– Ну, что там у вас произошло? – осведомился двадцать третий герцог Бедфордский, усаживаясь на мой письменный стол и водружая перед собой пузатую бутылку матово-черного цвета.

Я поведал ему о своем путешествии за Ричардом Плантагенетом и о превратностях, связанных с повторной командировкой. Все это время мой побратим любовался игрой света в коньяке, наполнявшем его хрустальный кубок, и, невзирая на все мои запреты, пускал клубы дыма в потолок, попыхивая дорогой виргинской сигарой.

– Ничего, – одобрил он мой рассказ. – Треть, конечно, приврал. Но в целом складно. И что, Отпрыск стал в позу борзого барана?

Я молча кивнул головой.

– Ладно, несущественно, – продолжил Зеф. – Отдыхай, не беспокойся. Утрясем мы твой вопрос. А сегодня, если ты, конечно, не забыл, – мой день рождения.

– Джо, ты скоро? – заглянула в мой кабинет хищного вида красотка, озаряя полумрак нашего убежища ослепительной рекламной улыбкой. Раньше я не видел этой барышни в окружении моего друга, однако, если мне не изменяла зрительная память, именно ее трехметровое изображение убеждало каждого встречного и поперечного носить ультрамодные колготки.

Рекламный щит со слабо одетой прелестницей, установленный на въезде в наш преимущественно холостяцкий закрытый поселок, пользовался большим успехом. Во всяком случае, что я мог сказать абсолютно достоверно: если не спеша скользнуть взглядом по демонстрируемой на щите ноге от заманчивых округлостей вверху до изящных пальчиков внизу, то можно дважды не торопясь прочитать «Отче наш». Правда, дочитать удавалось немногим – у большинства перехватывало дыхание после первых слов.

– Знакомьтесь, – произнес Зеф, вновь наливая себе коньяка, – это Айрин. Длина ноги сорок четыре дюйма, мисс чего-то обо что-то. – Красотка вновь прорекламировала свои ровные белые зубы. – А это лорд Камдил, рыцарь без страха, упрека и многих других полезных качеств. Большой специалист по подвигам в честь прекрасных дам. Если тебя донимает какой-нибудь дракон, ты только скажи ему – и можешь готовить место для драконьей головы у себя над кроватью.

– Что, правда? – распахнула свои русалочьи глаза красотка. – Как это романтично! Вы расскажете мне о своих подвигах? – томно промурлыкала она.

– Непременно расскажет, но ближе к ночи, – оборвал ее красноречие мой побратим. – Пока иди развлекай гостей.

Мисс чего-то об чего-то скрылась за дверь.

– Господи! – сокрушался мой друг. – Ну почему: как красивая и умная – так стерва, а как просто красивая – так дура непроходимая!

Я не разделял категоричности Зефа, но спорить с ним было делом абсолютно бесполезным.

– Ибо такова природа вещей, – глубокомысленно заметил я, незаметно пряча недопитый коньяк за стопку книг.

– Ладно, братец, пошли веселиться, – отчаянно махнув рукой, закончил разговор Рассел. И мы исполнили свое намерение.

В общем, когда утром вновь зазвонил телефон, я счел это неприкрытым издевательством и решил не подходить ни за что. Когда он зазвонил во второй, третий и четвертый раз – я стоически терпел, но во время пятого штурма моей нервной системы брауни, разбуженный наглым трезвоном, выбрался из своего угла и, проделав обычную операцию с телефонной трубкой, произнес, не раскрывая глаз, но становясь в непремennую торжественную позу: «Его Высочество принц Готлиб фон Гогенцоллерн». После чего он рухнул головой на скомканную пачку «Пэлл-Мэлл» и вновь заснул непробудным сном со счастливым сознанием выполненного долга.

С трудом добравшись до аппарата, я решительно промолчал в трубку. Голос шефа, пробившийся через минуту такого «разговора» до моего сознания, не прибавил моей любви к нему, но, судя по интонации, он тоже был не рад меня слышать.

– Да? – произнес я, собравшись с силами.

– Где вас изволит носить? – с новой яростью накинулся на меня Отпрыск.

– Я отдыхаю! Черт возьми, вы сами приказали мне отдыхать!

– Очень мило, – кипятился вельможный начальник, – я вижу, как вы отдыхаете.

– И как вам нравится то, что вы видите? – понемногу оживая, поинтересовался я.

– Это просто неслыханно. Более того, это возмутительно. Я буду ставить вопрос о вашем поведении на заседании ученого совета.

– Уж лучше сразу в Совете Безопасности Организации Объединенных Наций, – спросонья съязвил я.

– Это авантюризм, а не работа, – продолжал возмущаться шеф, явно пропустив мое замечание мимо ушей.

– Вся моя работа – сплошной авантюризм, – парировал я. – Вы позвонили мне в такую рань, чтобы сообщить этот потрясающий факт?

– Я этого так не оставлю, и не надейтесь!

В общем-то я и не надеялся. Судя по тому, что шеф выражался без обычных витиеватостей, он был очень зол.

– И все-таки, чем я обязан столь раннему звонку?

– Какая рань? Девять часов!

Отметив про себя, что после вчерашнего отдыха три часа на сон – явно маловато, я вновь вернулся к своему вопросу:

– Монсеньор, чего вы от меня хотите?

– Чего?.. – В паузу, образовавшуюся после этих слов, можно было спокойно вставить весь лексикон какого-нибудь полинезийского племени. – Приезжайте в Институт и отправляйтесь хоть к чертовой матери, хоть на тот свет!

– Ясно. Еду! – Я опустил на держатель трубку и щелкнул пальцами. Из зеркала напротив на меня смотрел широкоплечий мускулистый мужчина с опухшим лицом и всклокоченной бородой цвета темной бронзы. «Несказанно хорош», – усмехнулся я, встряхивая остатками некогда буйных кудрей и нанося хук слева своему отражению. Отражение ушло с линии атаки и стало в дзенкуцу-дачи.[5 - Дзенкуцу-дачи – одна из стоек в карате.]

– Эй, малыш. – Я осторожно потряс за плечо посапывающего в пепельнице брауни. Судя по всему, в порядке дегустации он допил вчера не одну рюмку горячительных напитков. – Позвони, будь добр, Сергею Лисиченко, эсквайру, и сообщи ему, чтобы он выдвигался в Контору. Скажи, что мы выезжаем.

Полупроснувшийся домовой дико озирался вокруг, мучительно пытаюсь понять, что, собственно, он делает среди всего этого беспорядка. Оставив моего маленького друга приходить в себя, я отправился провести магический круг водой вокруг носа и соскоблить со щек неположенную щетину.

Вернувшись в свои апартаменты уже проснувшимся и посвежевшим, я сделал чашечку очень крепкого кофе и стал одеваться. Одного носка на месте не было. «Опять брауни развлекается», – вздохнул я, вытаскивая из шкафа новую пару. Мне никогда не удавалось добиться от моего домового, что за странную коллекцию он собирает. Впрочем, какое это сейчас имело значение.

Глава вторая

Балу: «Что нужно сделать, когда встретите большого зверя?»

1-й волчонок: «Зарычать?»

2-й волчонок (поджимая хвост): «Убежать?»

Балу: «Сказать, сказать, что надо?!»

Маугли: «Мы с тобой одной крови. Ты и я».

Р. Киплинг

Ворон, огромный и черный, как собственное крыло, философически наблюдал за лесной дорогой, тянувшейся, сколько позволяли видеть его глаза, по обе стороны толстой дубовой ветки, на которой он восседал с достоинством принца крови.

Вот уже полтора года из дня в день созерцал он этот пейзаж, наблюдая, как растут деревья, и набираясь своей птичьей премудрости. «И это пройдет», – думал ворон, созерцая всадников, несущихся во весь опор на взмыленных лошадях, одиноких путников, роскошные кортежи и неспешные купеческие возы: «Все суета сует».

Сумерки, едва начавшие сгущаться над лесом, были еще нежны и прозрачны, когда однообразие мирной лесной картины было нарушено появлением небольшой кавалькады. Трое всадников и две вьючные лошади в поводу неспешно двигались по наезженному тракту.

Серебристая кольчуга из многих тысяч мелких колец обтягивала мощный торс первого всадника, переливисто поблескивая из-под темного дорожного плаща. Золотая цепь на его груди, рукоять меча, усыпанная множеством мелких рубинов, превосходный вороной конь, гордо ступавший по дорожной пыли, – все указывало на рыцарское звание путника.

Судя по кожаному гамбизону, луку, колчану со стрелами длиной в добрый ярд и паре коротких мечей, висевших один – у пояса, а другой, рукоятью вверх, – за спиной, первого спутника рыцаря можно было принять за одного из тех профессиональных воинов, которых с радостью принимали к себе драбантами[6 - Драбант – телохранитель.] знатные вельможи.

Лицо его, загорелое и обветренное, казалось, было вырезано из темного дерева мастером хоть и не слишком щедрым на детали, но, несомненно, обладавшим хорошим вкусом. Переносица всадника, напоминавшая в результате жизненных передрыг латинскую букву S, тоже указывала на основную специальность ее обладателя. Только мандола, притороченная у седла, выбивалась из общего ряда, намекая на неожиданные таланты воина.

Наружность третьего джентльмена тоже не вызывала сомнений ни в происхождении, ни в занятиях его. Благородное сословие оруженосцев, которое представлял этот юноша, приобрело в его лице весьма замечательный образец.

Светлые волосы, выбивавшиеся из-под кольчужного хауберга,[7 - Хауберг – кольчужный капюшон.] четкие, пожалуй, даже резкие черты лица безукоризненного нордического типа и ясные синие глаза его однозначно выдавали во втором спутнике рыцаря представителя одного из тех родов, чьи предки мечом отмечали путь своих драккаров[8 - Драккар – парусно!гребной корабль викингов.] на карте Европы.

Всадник этот звался Кристиан де Ла Доннель виконт де Монгийе, в просторечии – просто Виконт. Свежая поросль старинного дерева, числившаяся стажером, прикомандированным к нашей группе, таила в себе множество дарований,

тщательно скрываемых от общества.

В юности я был близко знаком со старшей сестрой Криса – леди Мей, что в общем-то и определило нынешнее положение юного светского львенка. Не знаю уж, протекции ли сестры, состоявшей ныне в свите Ее Величества, или же настоянию отца моего оруженосца графа Уорчестера, возглавляющего какую-то лабораторию, название которой начиналось со слова «Всемирная», был обязан этот шалопай ссылкой в недра нашей Конторы, но сегодня он гордо гарцевал рядом со мной на великолепном испанском жеребце так, словно с молодых ногтей занимался только этим.

Впрочем, как я уже говорил, мой славный оруженосец был отнюдь не бесталанен. После некоторого времени упорных тренировок в фехтовальном зале он уже мог похвалиться серебряным кубком открытого турнира Северных Графств по историческому фехтованию. А это, если учесть, что золотой завоевал Брасид, было совсем неплохо.

Неясный шорох в придорожных кустах заставил мудрую птицу насторожиться, отвлечься от созерцания дороги и, негодуяще каркнув, взмыть в воздух.

– Итак, дружище Лис, – продолжил фразу идущий впереди рыцарь (полагаю, вы догадались, что это был я), – как говорил наш коллега, благородный дон Румата Эсторский: «Бесшумных засад не бывает». А потому, будь добр, дай знак Виконту, чтобы он передал мне шлем и щит.

Ну щит, положим, мой новый оруженосец мне передал, а вот со шлемом чуток замешкался. Нечто глыбообразное обрушилось на дорогу, издавая ужасающий вой. При ближайшем рассмотрении это нечто оказалось огромнейшим верзилой, заросшим бурой шерстью так, что, казалось, только глаза выдают, где у него лицо, а где – затылок.

– Ну вот, – скорбно произнес Лис, кладя ладони на рукояти мечей, – что ни дорога, то гнилые разборы. Чего тебе надо, почтеннейший?

Глыбообразный молчал. Мне почему-то пришло в голову, что в условиях отсутствия электрического освещения в первобытных пещерах какой-нибудь недобитый медведь спокойно мог перепутать праматерь этого достойного индивидуума со своей законной женой.

Между тем верзила стоял, картинно опираясь на длинную рукоять боевого топора, вид которого невольно оживлял в памяти давние легенды о всадниках, разрубленных пополам вместе с конем. Как будто чувствуя что-то такое, Мавр попятился и встал на дыбы. Естественно, я тут же обнажил меч. Однако пустить его в ход мне не пришлось. Чья-то крепкая рука ухватила жеребца за поводья, и насмешливый голос, впрочем, не лишенный приятности, властно произнес:

– Вложите меч в ножны, милорд, и вы, господа, опустите оружие.

Блондинистый молодец в зеленой тунике и зеленой же шляпе с алым петушиным пером держал одной рукой поводья моего коня, а во второй сжимал добрый английский лук с прижатой к нему стрелой. Если бы не выражение глумливой издевки, нескрываяемо присутствовавшей в его больших зеленых глазах, лицо незнакомца вполне можно было бы назвать добродушным.

– Сэр рыцарь, – обратился ко мне лучник, кланяясь с деланной почтительностью, – я и мои друзья покорнейше просим вас разделить с нами нашу скромную вечернюю трапезу. Не откажите в любезности, господа. Так велит обычай здешних мест, – добавил он значительно.

– Вот ведь ударно-штурмовое гостеприимство, – услышал я в голове голос Лиса. – Ох, не нравится мне этот общепит.

– А я бы с удовольствием перекусил, – вмешался в наш разговор стажер. Понятное дело. Растущий организм требовал калорий, а кроме того, виконт Крис де Монгийе, достойный представитель славного рода Ла Доннелей, никогда не отказывал себе в сытном ужине.

Ну что ж, судя по внешнему виду, медведеобразный верзила не казался активным проповедником вегетарианства, да и его приятель мало походил на человека, изможденного постом.

«Ладно, – вздохнул я, – подрачься мы всегда успеем. Сначала подкрепимся». С некоторым сожалением, правда абсолютно фальшивым, я выполнил просьбу гостеприимного хозяина, возвращая меч в ножны и поворачивая коня.

Из окрестных кустов высыпало две дюжины зелено-туничных рейнджеров, все как один с длинными луками и рожам со стенда: «Их разыскивает шериф». Схватка с подобным стрелковым подразделением на глухой лесной дороге предвещала поистине фатальные последствия для нашего предприятия.

Ну, скажем прямо, дорогу можно было проложить и получше. Битый час мы тащились по всем староанглийским буреломам, нагуливая аппетит. Время от времени лучники соревновались в художественном свисте со своими коллегами, свившими себе гнезда в кронах, где погуще. Наконец наш вечерний моцион был завершен, и, вынырнув из очередных зарослей, мы буквально носом уперлись в причудливое нагромождение скал, притащенных сюда каким-то не в меру разгулявшимся ледником и брошенных им на произвол судьбы во время панического отступления миллион лет тому назад. Судьба была благосклонна к несчастным скалам – они стали надежным пристанищем шайке страшных лесных разбойников.

Необходимо, однако, заметить, что заботливые руки джентльменов с большой дороги немало потрудились, придавая мрачным замшелым камням жилой вид и превращая их в весьма остроумный фортификационный изыск.

Под массивной гранитной плитой, застрявшей некогда меж двух огромных, выше человеческого роста, валунов горел костер. Какой-то местный умелец приспособил над этим очагом некое подобие железного колпака с дымоходом, исчезавшим между каменных глыб – так, что дыма не было видно и за двадцать шагов.

Вокруг огня хлопотало несколько женщин, готовивших обещанную нам трапезу.

Командовала куховарской гвардией молодая статная девушка в дорогом светлом платье, явно взятом напрокат у проезжего купца. На мой взыскательный взгляд, она была несколько крупновата, но, безусловно, весьма привлекательна. Самым, однако, прекрасным в ее облике были густые золотистые волосы, столь длинные, что она с легкостью могла бы повторить подвиг леди Годивы. Заметив возвращающуюся лесную братию, она со всех ног бросилась к красноперому предводителю и, добежав, радостно повисла у него на шее.

– Ах-ах-ах! – пробурчал я, отворачиваясь и подавляя на месте предательски шевельнувшуюся зависть.

Спустя совсем немного времени мы уже сидели на толстенных бревнах и справляли тризну по трем королевским оленям, чьи ноги проиграли сегодня состязание в скорости со стрелами сидевших вокруг огня браконьеров. Теперь эти самые ноги вступили в единоборство с зубами лесной братии, но и здесь, похоже, их ожидало сокрушительное поражение.

Отдав должное изысканному ужину и подбору дорогих вин, щедрой рукой разливаемых на этом празднике желудка, благородное общество перешло к приятной застольной беседе, сиречь к набору смешных случаев и небылиц разной степени непристойности. Надо сказать, что и тут мы не отступили ни на пядь, не ударили в грязь лицом и достойно поддержали марку нашей славной Конторы.

И вот когда Лис в четвертый раз пытался втолковать соседу соль какого-то анекдота о Штирлице, вожак поднял руку и вокруг костра мгновенно воцарилась тишина. Кажется, даже комары смолкли, прекратив свою кровавую вакханалию. В этой гнетущей тишине неестественно четко раздавались слова моего напарника.

– Пойми ты, дурья твоя башка, этот Штирлиц – советский разведчик. А Мюллер – шеф гестапо, – выговаривал он, выразительными жестами подкрепляя свои слова. Говорил мой старый боевой товарищ уверенно и твердо, лишь едва немного медленнее, чем обычно. Для человека, знающего Лиса так долго, как я, это было вернейшее свидетельство высокой степени опьянения. Сидевший рядом с ним рыжебородый детина недоуменно хлопал глазами, не понимая столь элементарных вещей.

– Внимание, Рейнар! – окликнул я Сережу.

И тут хозяин заговорил, обращаясь ко мне:

– Дорогие гости, осмелюсь узнать, понравилось ли вам наше угощение?

– О, ужин был превосходен! – прикладывая руку к груди и всем своим видом выражая глубочайшую благодарность радушному хозяину, произнес я,

внутренне готовясь к тому, что должно было произойти дальше. Как я уже говорил, я не был англосаксом, однако предания старины глубокой знал совсем неплохо.

– Я рад, господа, что мы сумели угодить вам. Но, увы, мы люди небогатые. Все наше достояние – это то, что дарит нам этот лес, – произнес он, почему-то указывая на стоящий перед ним чеканный серебряный кубок великолепной гильдесгеймской[9 - Гильдесгейм – город, в котором размещалась известная в раннем средневековье мастерская в монастыре Св. Михаила (Германия).] работы, почти до краев наполненный терпким анжуйским вином. Поистине обширность подвластного нашему хозяину «леса» поражала воображение.

– А потому, – продолжил разбойничий предводитель, – мы вынуждены просить вас оплатить эту скромную трапезу. При этом, господин рыцарь, я заклинаю вас, помните, что щедрость – одна из важнейших добродетелей, присущих вашему высокому званию.

«Ну вот и началось, – вздохнул я. – Пообедали. Пошло-поехало. Ладно, посмотрим, чем все это закончится».

– Рейнар, сколько может стоить все это пиршество? – обратился я к Лису.

Он машинально назвал некую астрономическую сумму, услышав которую, я невольно усомнился, не спросил ли я вдруг у него о количестве листьев в лесу хлебосольного хозяина.

«Господи, это ж он о своей национальной валюте!» – догадался я, несколько успокаиваясь и мучительно пытаюсь вычислить соотношение по биржевому курсу. В таком виде сумма выглядела куда как менее впечатляюще. Похоже, мой друг всерьез считал, что весь вечер мы пили неочищенный спирт, закусывая его третьесортной собачатиной.

Вздыхнув, я полез в кошель и протянул нашему незваному метрдотелю несколько золотых монет. Это было втрое больше, чем стоил сегодняшней ужин, и раз в десять более того, что называл Лис, но, как я имел возможность заметить, сдачи ждать не приходилось.

Разбойника подобная щедрость явно не устроила.

– Черт возьми, милорд, да вы, оказывается, пресквернейший скряга! Ваш приятель куда как щедрее вас.

Я невольно улыбнулся. Думаю, если бы нашему отважному оленебою пришлось когда-либо попытаться отнять у Рейнара медный пенс, он не долго бы придерживался такого мнения. Так уж устроен был мой верный напарник, что в любую минуту готов был отдать ради друга последнюю рубаху, но в остальных случаях каждую монету в чужих руках воспринимал как личное оскорбление.

– Вот этот рубин, – не унимался предводитель лесной братии, – что красуется у вас на пальце, вполне достойный дар. Ведь надо же одарить от милости своей очаровательную хозяйку, которая сама, вот этими руками, – он погладил руки своей соседки, – приготовила все сегодняшние яства.

– Этот перстень очень дорог мне, – попытался возразить я.

– Тем более милорд! Тем более! Здесь он будет в большей безопасности, чем у вас на руке. Вы же знаете, жизнь благородного рыцаря так беспокойна и так полна опасностями, что можно враз лишиться и перстня, и руки. Ну а если ваша милость соскучится по этой прелестной вещице, мы всегда будем рады видеть вас вновь за нашей трапезой. Не правда ли, друзья мои? – обратился он к честной братии, внимательно следившей за «обуванием фраера ушастого», как выражался Лис.

Слова его были встречены бурным весельем. Право, я и не подозревал, что возможность моего повторного присутствия на подобном ужине может вызвать у разбойного люда такой приступ неконтролируемой радости.

– Сын мой, – произнес густым низким басом широкоплечий коренастый разбойник в латаной сутане, чье объемистое чрево выплыло из окружающего мрака секунд на десять ранее его самого. Крест, усыпанный драгоценными камнями, явно украшавший когда-то впалую грудь какого-то епископа, болтался у него под самым подбородком. – Неужели в те долгие часы, которые я провожу в изнурительном посте и покаянной молитве о спасении, заметь, ваших же многогрешных душ, ты пренебрегаешь заботой о делах матери нашей церкви? Не забыл ли ты собрать церковную десятину с этих почтенных странников?

– Прости меня, отче, ибо я согрешил, – скорбным тоном ответил придорожный джентльмен, молитвенно складывая руки перед грудью. – Эй, Том из Лудтона! – крикнул он, обращаясь к разбойнику, сидевшему слева от меня. – Прими у господина рыцаря его кошель. Я вижу по глазам, он горит желанием внести свою лепту в строительство новой часовни святого Дунстана в Компенхерсте.

– Благодарю вас, сэр, – пробасил толстяк, состроив рожу, наиболее, на его взгляд, соответствующую понятиям благочестия и смирения. – Быть может, этот скромный вклад, это никчемное, презренное золото станет той крупницей, которая поднимет перед вами засов на предвечных воротах святого Петра.

Разбойник, которого «верный сын церкви» назвал Томом, протянул руку, чтобы схватить кошелек, висевший у меня на поясе. Он уже почти дотянулся до него, но тут правая моя рука намертво перехватила его запястье, а ребро левой врезалось туда, где под тонкой нежной кожей располагалась сонная артерия. Бедняга обмяк, не успев понять, в чем дело. В ту же секунду я вскочил на ноги, держа несчастного Тома за шиворот перед собой, словно полуживой щит.

Удар, предназначавшийся мне, свернул челюсть незадачливому грабителю, но, видит Бог, я не оставил обидчика без справедливого возмездия. Получив удар под коленный сгиб, он обалдело взмахнул руками, ища опору в воздухе, и рухнул в костер. Запахло паленым.

За спиной моей послышался характерный гул. В ход пошли знаменитые литые нунчаки, изготовленные по спецзаказу для моего друга. Судя по раздававшимся воплям, выпитое никоим образом не сказывалось на его мастерстве. Краем глаза я мог различить и Виконта, прижавшегося к скале и ожесточенно отбивавшегося от нападающих на него разбойников. Вот один из них сложился пополам, получив сокрушительный удар ногой в живот. Вот другой со всего маху ткнулся лицом в каменную стену и сполз, цепляясь скрюченными пальцами за мох.

Дальше произошло следующее. Стажер, ожесточенно работая всеми имеющимися в наличии ударными поверхностями, протиснулся между нападающими и, словно мяч с одиннадцатиметрового штрафного, отработанным ударом профессионального футболиста послал стоявший неподалеку котел с водой прямо в костер. Наступивший мрак скрыл нашу передислокацию.

Когда пламя вновь запылало, наша троица занимала выгодную позицию, имея с трех сторон каменные глыбы и узкое пространство по фронту. Теперь в три клинка мы могли наворотить много дел, и разбойники, похоже, нисколько не сомневались в этом. Отказавшись от мысли одолеть нас в рукопашной схватке, они начали хвататься за луки.

Теперь преимущество нашей позиции моментально становилось ее недостатком. Перспектива превратиться в ежика с деревянными иглами почему-то никого из нас не прельщала.

Положение грозило стать безвыходным. А значит, стоило найти выход, пока ситуация не испортилась окончательно. И я рискнул.

– Сэр Роберт Локсли, – прокричал я в ночную тьму, – именем всех, когда-либо опоясанных мечом, вызываю тебя на честный бой. И да будешь ты проклят в веках как вероломный разбойник и трус, если откажешься принять этот вызов!

Я еще кричал, что пусть возьмет себе деревянный меч, если опасается пускать в дело благородную сталь, но, право слово, это было уже лишним.

Глумливое выражение слетело с лица радушного хозяина, и, обнажив висевший на поясе меч, он мягко, по-кошачьи ступая, стал медленно сближаться со мной. Разбойники расступились, освобождая место для схватки. Бой ожидался нешуточный.

Я легко спрыгнул со своего валуна, и мы все так же медленно и осторожно начали двигаться по кругу, щупая глазами защиту противника и постепенно сужая круги.

Локсли бросился на мгновение раньше, одним прыжком сократив разделявшую нас дистанцию. Однако меня в этом месте уже не оказалось, и его клинок, описав дугу, столкнулся с моим, высекая сноп искр. И пошла забава. Клянусь честью, приятно было иметь дело с сильным соперником!

Ни в ранней юности, в родовом замке, ни позже, в Святой Земле, ни теперь, в лесных чащобах, сэр Роберт не тратил время попусту, когда осваивал и оттачивал каноны фехтовального искусства. Что мудрить, сегодня это был сильный, ловкий, а следовательно, крайне опасный противник.

Ежесекундно меняя секторы атаки, нанося тяжелые, тщательно выверенные удары, он все более теснил меня к границе круга, под громкий свист и улюлюканье лесной братии, приветствующей каждый ловкий удар своего вожака.

Я старательно делал вид, что утомлен схваткой и слабею под неумолимым натиском разбойничьего предводителя. Открываясь раз за разом, словно по чистой случайности уходя в последний момент от разящих ударов, я старательно выжидал подходящий момент. Конечно, это была рискованная, крайне рискованная игра, но выбора в общем-то у меня не было. Не знаю, желал ли сэра Роберт Локсли моей безвременной гибели, но мне-то его смерть была совсем уж ни к чему.

А удары между тем продолжали сыпаться как ни в чем не бывало. Вот я поскользнулся и чуть было не упал, и только это спасло меня от смертоносного лезвия, просвистевшего над головой. Вот взвихрившийся плащ каким-то чудом обвился вокруг меча моего противника, уводя его со смертоносной траектории... И все же мой час пробил.

Сияющая полоса булата стремительно обрушилась сверху, норовя изрядно добавить мне головной боли. Приняв атакующий клинок на сток, я крутанулся под рукой хозяина здешних мест и, развернув меч плашмя, со всей дурацкой силой ударил сэра Роберта в грудь. Он взмахнул руками и рухнул наземь.

Рев возмущения вырвался из десятков глоток. Многие разбойники схватились за оружие и, выкрикивая нечленораздельные угрозы, начали врываться в священный для любого опоясанного рыцаря круг поединка. Стараясь не обращать внимания на это вопиющее нарушение правил честного боя, я протянул руку поверженному противнику. Этот номер уже не раз выручал меня. Во время своих многочисленных странствий по самым разным уголкам Европы и Леванта я имел возможность убедиться в одной простой, хотя на первый взгляд странной истине: «Хорошая драка при первой встрече в девяти случаях из десяти способствует установлению крепкой дружбы».

– Ох, как это? Что это было? – Локсли ухватился за протянутую руку и поднялся на ноги, потирая ушибленную грудь. – Однако не угодно ли доблестному рыцарю назвать себя? Клянусь, не много найдется в Англии воинов, столь ловко владеющих мечом.

– Меня зовут Вальдар из рода Камдилов, сьер де Камварон. Иногда еще величают Верная Рука.

– Вальдар Камдил? Вы и есть Вальдар Камдил – спаситель нашего короля?

– Не только я. Мой друг Рейнар принимал в этом деле ничуть не меньшее участие.

– Эй, Ален э-Дейл, спой-ка нам балладу о рыцаре Вальдаре и короле Ричарде! Клянусь своими золотыми шпорами, которые мне так и не довелось носить, друг нашего отважного короля – всегда желанный гость лесного братства.

Между тем Ален запел довольно складную балладу о том, какой я крутой парень и как мне все нипочем.

Песня была шикарная. Она вполне годилась для того, чтобы стать официальным историческим источником, то есть ни единым словом не соответствовала происходившим событиям.

– Благодарю тебя, благородный сэр Роберт. Слава о твоих деяниях так же давно уже покинула пределы Шервудского леса, дав тебе новое имя – Робин Гуд. Рейнар, дружище, спой-ка нам, будь добр, балладу о Робин Гуде.

И Лис запел:

Если рыщут за твоею

Непокорной головой,

Чтоб петель худую шею

Сделать более худой.

Нет надежнее приюта,

Скройся в лес, не пропадешь,

Если продан ты кому-то

С потрохами не за грош...

Разбойничья братия, замерев, слушала напористое пение Лиса, гулом одобрения приветствуя каждый припев.

О раздорах было забыто, и ужин, грозивший перейти в завтрак, был записан на счет фирмы. Лишь только те, кому перепало в потасовке, не принимали активного участия в общем веселье, но, казалось, и они уже не таили на нас обиду.

Как обычно, Рейнар пользовался бешеным успехом.

Сто сарацинов я убил во славу ей.

Прекрасной даме посвятил я сто смертей.

Слова великого российского поэта гулко разносились между скал. Меня всегда поражало умение Лиса с ходу переводить песни с одного языка на другой.

Древнее золото редко блестит.

Древний клинок ярый.

Выйдет на битву король-следопыт.

Зрелый – не значит старый!

Разбойники слушали затаив дыхание. А уже через пару часов Рейнар пел им:

Ты ж мене пидманула,

Ты ж мене пидвела.

И доблестные джентльмены с большой дороги усердно выплясывали джигу под зажигательный мотив этой песни.

Глава третья

Никогда не разговаривай с незнакомцами.

Мама Красной Шапочки

Проснулся я от того, что на меня кто-то смотрел. Смотрел долго и пристально. Чуть приоткрыв глаза, я из-под прикрытых ресниц осмотрел поляну вокруг себя. На дальнем ее конце ватага робиновских стрелков самозабвенно и по-детски непосредственно гоняла некое грубое подобие мяча. Их играющий тренер, по совместительству – мой оруженосец, блистая чудесами футбольной техники, носился по полю из конца в конец, потрясая руками и оглашая лес невразумительными криками команд.

Никому из играющих до меня не было ровно никакого дела. Однако ощущение пристального взгляда не пропадало. «Что за чертовщина», – невольно подумал я, еще раз внимательно осматривая окрестности. Рядом со мной никого не было. Ни одной живой души.

И тут я увидел глаза. Поймите меня правильно. Если бы вместе с глазами имелись рот, нос и прочие полагающиеся по штату предметы, я не преминул бы о них упомянуть. Глаза глядели не мигая, и все бы в них было бы хорошо, но то, что подобным образом смотрело дерево, несколько смущало. Именно так. И моим визави был толстенный дуб, дупла и крона которого были вполне пригодны для жилья.

Минуты три мы поиграли с деревом в гляделки. Потом древесный взгляд переместился с моего лица на руки, снова на лицо и... исчез.

«О черт! – выругался я, откидывая медвежью шкуру, служившую мне одеялом, и резко поднимаясь на ноги. – Вроде бы вчера и не сильно пил. Надо же такому примерещиться!» Подойдя к дубу, я потрогал кору руками, убеждаясь в ее грубой материальности. Кора как кора. Такая же, как и у остальных дубов, ровным кругом стоявших вокруг нашей поляны.

Пожав плечами, я стукнул кулаком туда, где еще недавно чудились мне глаза, и тут же был вознагражден десятком твердых, как камешки, желудей, барабанной дробью застучавших по моей макушке. Все бы это было ничего: как установил несколько позже сэр Исаак Ньютон, желуди обречены падать с дуба именно вниз, но все же то, что эти дубовые яйца упали точно мне на голову и никуда

более, – несколько удивляло.

– Вот тебе и доброе утро, – вздохнул я.

– Вы уже поднялись, дружище Вальдар? – спросил меня подошедший хозяин окрестных чащоб, лорд – хранитель поголовья королевских оленей. – Это хорошо. Марианна скоро позовет завтракать.

– Благодарю тебя, Робин, – невпопад ответил я. – Спалось хорошо.

– Ты это чего? – удивленно осведомился Локсли, глядя на мой ошарашенный вид.

– Робин, тебе никогда не казался странным этот дуб?

– Дуб как дуб. Хороший дуб. Мы называем его Деревом Совета. Под ним всегда приходят в голову хорошие мысли.

– Может быть, и так. Но все-таки очень странное дерево.

– Право, Вальдар, ты совсем как наш брат Тук. Он тоже все твердит, что корни окрестных дубов сами подползают ему под ноги. Ну с ним-то понятно, для него бочонок вина все равно что для тебя кубок, а с тобой-то что?

– Да нет, Роб, ничего. Наверно, приснилось.

Между тем солнце уже вовсю вознамерилось вставать, и вся лесная певчая братия, оглушительно цвиркая и чирикающая, не то приветствовала восход светила, не то выражала свое мнение о ходе матча.

– Тоже мне сборная Шервуда, – проворчал я, потирая ушибленную макушку.

Несмотря на явный суеверный ужас перед изысканным мастерством Криса де Монгийе, стрелки играли в типично английской манере, противопоставляя виртуозной технике напористый, жесткий, силовой футбол.

Наконец один из игроков «Шервуд Рейнджерс», тот самый, чью родословную я вывел от пещерного медведя, с ревом, подтверждавшим обоснованность моих предположений, врезался в Кристиана, снося его, и, немного помедлив, рухнул сверху на несчастного оруженосца.

«Пора изобразить судью на поле», – резонно заметил я, приближаясь к парочке, удобно расположившейся в утопанной десятками ног траве.

– Эй, Виконт, вылазь! Нам скоро ехать. Иди готовь коней. Ты тоже поднимайся, – потряс я за плечо малютку Джона, а это был именно он, напоминая о необходимости вернуться в вертикальное положение.

Гигант скосил на меня хитрый глаз и, недовольно заворчав, начал вставать на ноги, выпуская Криса из-под своей неподъемной туши. Полурасплющенный Крис с трудом отдирал себя от мать сыра земли.

В отличие от мифического Антея пребывание на отчем грунте не прибавило ему сил. Настроения, впрочем, тоже.

– Вот и учи их после этого играть в футбол, – со скорбью в голосе изрек де Монгийе, ощупывая, весь ли он на месте.

– Как говаривал, бывало, Фид Манлий Торкват, сидя на развалинах храма Соломона: «Цивилизация всегда насаждается с кровью».

– Кто-кто?

– Фид Манлий Торкват. Был тут один древнеримский понтифик. Как-нибудь расскажу тебе о нем. Пока что иди позаботься об отъезде.

Как и положено в подобных случаях, отбытие высоких гостей сопровождалось военным парадом и обменом приветственными речами.

Слева от меня Виконт долго и прочувствованно жал руки разбойной братии, обещая вернуться и продолжить тренировки. Справа Лис внимательно слушал Робина, судя по жестикуляции, объяснявшего ему напоследок какую-то тонкость своей методы стрельбы. Рядом с ними робко жался Ален э-Дейл, желавший

переписать себе слова баллады о Робин Гуде.

Наконец вольные стрелки перестали хлопать по плечам и спине несчастного стажера, и Робин сделал знак нашим проводникам двигаться в путь.

– А ну стой! – раздался за нашими спинами громовой голос такой силы, что кони затанцевали на месте. – Кому говорят, стой!

От неожиданности я, оборачиваясь, положил руку на эфес меча. Картина, представившаяся моему взору, была достойна кисти большого мастера.

Брат Тук, очевидно, разбуженный всеобщим оживлением, расталкивая толпу своих «прихожан», протискивался к нам. Поверх тонзуры у него почему-то была напялена железная шапка, предотвращавшая, вероятно, истечение благочестивых мыслей в пространство. Сбившаяся набок сутана, неуловимо похожая на десантный камуфляж из-за великого множества пятен, лучше всякого меню рассказывавших о скромных и постных блюдах, съеденных смиренным пастырем на этой неделе, едва не лопалась на его объемистом чреве. Драгоценный наперсный крест болтался почему-то возле плеча, знаменуя, очевидно, левый уклон причетника из Компенхерста. В одной руке он сжимал кость с увесистым куском мяса, в другой – бутыл с живительной влагой, столь ему сейчас необходимой.

Потрясая над головой полуобглоданной костью, словно боевой палицей, и угрожая лесной братии неисчислимыми адовыми муками, он наконец протолкался к нам и вперил в нас затуманенный винными парами взгляд, выражающий, должно быть, по мнению святого отца, священное негодование. Переводя дух и выдерживая паузу перед началом речи, он воздел к небесам полупустую, судя по плещущейся в ней жидкости, бутыл и заговорил.

– Грешники! – изрек он и замер, вслушиваясь в рокошующие перекаты своего голоса. – Грешники, ибо во грехе погрязли, аки... э-э-э. О-о-о, как голова болит. Так об чем это я? Ах да! Ну словом: не спите во всякое время и не забывайте молиться. – Он сделал какое-то странное движение бутылкой, видимо, означавшее пасторское благословение. – Дабы предстать! – завершил свою утреннюю проповедь брат Тук и замер, любуясь произведенным эффектом.

Виконт обалдело посмотрел на меня. Ему явно еще не приходилось иметь дело с подобным толкованием священных текстов. Мы с Лисом сделали понимающие лица, что моментально избавило нас от необходимости вслушиваться в ту околесицу, которую нес достойный шервудский капеллан.

– Ну что ж, теперь с Богом! – подвел итог страстному выступлению служителя культа наш друг Робин, хлопая по крупу моего вороного жеребца. Зеленый дубовый лист, плавно паря, пролетел над моим плечом и упал на луку седла.

– Странно, – удивился Локсли. – Дубы далеко, ветра нет, да и лист зеленый? Чтобы это значило?

Дорога из лагеря веселой братии утвердила меня в мысли о том, что дороги созданы для того, чтобы по ним ездить. Или, уж в крайнем случае, ходить. И уж никак не наоборот. Видимо, провожатые наши имели на этот счет свое мнение, поскольку, будь передо мной не здоровенные мужики, увешанные оружием, а более эфирные твари, я с радостью бы определил их способ передвижения как порхание.

Наконец в зарослях начали появляться просветы, и вскоре показалась опушка, покрытая веселой травяной зеленью. С видимым облегчением оставив за собой громаду Шервудского леса, мы въехали на небольшой холм, чтобы получше рассмотреть предстоящую нам дорогу.

– Отсюда вам направо, – указал старший из моих проводников. – Вон, видите одинокий вяз?

Вдали, среди обширной вересковой пустоши, действительно можно было различить очертания большого дерева, вполне могущего быть вязом.

– Там вы выедете на дорогу. Через пару миль будет развилка. Правая дорога ведет к Лондону, левая – к Ноттингему. Туда вам, пожалуй, совершенно ни к чему. Так что не спутайте дорогу. Если все будет благополучно, к вечеру вы доберетесь до Ашби. Однако не задерживайтесь в пути, иначе вам придется ночевать перед закрытыми воротами.

Внезапно речь его была прервана. Звук рога гулко раскатился по пустоши, пугая окрестных птиц и зверей.

Оглянувшись туда, откуда доносился этот звук, я увидел рыцаря в черно-лазурной котте,[10 - Котта – длинная накидка, вышитая геральдическими фигурами.] с копьём наперевес, резвым галопом приближающегося к нам на могучем караковом коне. Судя по угрожающему виду, он не был похож на обычного собирателя автографов. Встречу в этом месте я тоже никому не назначал. Тем более что за ним из подлеска выбегало две дюжины копейщиков, которые, рассыпаясь широким полукругом, пытались охватить нас с флангов.

– Ну что, милорд, – усмехнулся Лис, одним движением ставя тетиву на лук. Щелчок его тетивы прозвучал в унисон с еще двумя подобными щелчками. Люди Робин Гуда тоже прекрасно знали свое дело. – Спорим, – продолжил он, – что этот благородный рыцарь мчится так оттого, что спешит пригласить тебя на завтрак.

Три стрелы, пущенные из трех наших луков, пролетев ярдов сто, нашли свои цели. Одна из них вонзилась в щит, другая пробила ногу какого-то копейщика, от чего тот рухнул на колени и остался так сидеть, наблюдая дальнейший ход боя. Третья впиалась в грудь еще одного воина. Тот остановился, выронил оружие, сделал два неуверенных шага вперед, с ужасом осознавая непреложный факт собственной смерти, и упал на спину. А новые стрелы уже пели в воздухе.

– Ну вот, – обреченно вздохнул Виконт, пристегивая мой шлем.

– Ты бы лучше приготовился к бою, – бросил я ему.

– Да я вообще-то пацифист, – грустно заметил мой оруженосец, доставая четырехфунтовый стальной шар, покрытый шипами, словно кожа каштана, болтавшийся на недлинной прочной цепи. Я знал, что в том месте, где шар соединялся с цепью, как последняя дань глупому юношескому максимализму, была выгравирована руна Алгиз,[11 - Алгиз – одна из рун скандинавского рунического алфавита. В нормальном положении (рогами вверх) означает защиту в истине. Вырезалась на оружии для обеспечения победы и сохранности в бою. В перевернутом (пацифик) – символ безвозмездного жертвования, уязвимости.] заключенная в круг. Виконт и сам не подозревал, какой правильный выбор он сделал, гравировав эту руну на Моргенштерне.[12 - Моргенштерн (утренняя звезда) – оружие, представляющее собой шипастый шар на ручке.]

Рыцарь был уже в нескольких ярдах от меня, и его копье, злокозненно направленное в самую грудь, чертовски уменьшало время для переговоров. Голубая молния Катгабайла рассекла утренний воздух и засияла, словно радуясь солнечному свету после непроглядной тьмы ножен.

Я развернул коня, уклоняясь от таранного удара яростного незнакомца, и, закончив пируэт, нанес размашистый удар по его копью.

Рубины в рукояти радостно сверкнули, одобряя мое действие и вбирая в себя духовную энергию этого удара. Клинок мягко, словно топленое масло, отсек ясеновое древко у самой руки рыцаря.

Мне показалось, что из-под шлема послышался скрежет зубов и сдавленный рык.

Сейчас я мог спокойно рассмотреть фигуры, изображенные на щите противника. Золотой лев в черни и кусающий себя за хвост серебряный аспид в лазури не оставляли сомнений, что передо мной представитель рода Хайсборнов. Насколько я помнил, родовой вражды между Хайсборнами и Камдилами не существовало, однако я догадывался о мотивах его хамского поведения.

– Кто вы такой, черт побери! – раздалось из-под шлема в тот момент, когда меч навязчивого джентльмена пытался лишиться меня возможности ответить на этот простой вопрос.

– В наших краях обычно с этого начинают, – ответил я, парируя удар и демонстрируя атаку в плечо. – Только звучит это примерно так: «Благоволите назвать свое имя, сэр!»

Я сменил сектор атаки и ударил Хайсборна в бок. Он успел подставить щит и вновь атаковал. И вновь неудачно. Пригнувшись к холке коня, я пропустил удар над собой и, пользуясь выпадом противника, резко послал клинок вперед. Пробив котту и кольчугу под ней, меч вонзился в бедро моего врага. Рыцарь глухо застонал, покачнулся в седле, но лишь с еще большим остервенением стал наносить удары. Кровавое пятно на его одеянии становилось все больше, однако, похоже, он не чувствовал боли. От одного из могучих ударов Хайсборна мой щит раскололся, и я вынужден был вести бой, отбросив его в сторону.

Краем глаза я видел Лиса, вместе с вольными стрелками методично прореживающего охватывающую наш холм дугу копейщиков. Потеряв несколько человек убитыми и ранеными, они поубавили свой наступательный пыл и начали пятиться под укрытие деревьев. Чуть поодаль от меня доблестный Крис де Монгийе с отвагой, вообще присущей этому славному роду, ожесточенно сражался с двумя оруженосцами моего пациента, точнее, уже с одним. Второй лежал на земле, припав щекой к собственной секире, и не подавал признаков жизни.

Тяжелый шар Моргенштерна с характерным звуком раз за разом врезался в небольшой кожаный щит противника. Тот, уже, видимо, отчаявшись провести удачную атаку, безвольно отступал под ударами Виконта, все еще как-то защищаясь и пытаясь повернуть своего коня вспять. Пожалуй, ему, да и его товарищу по несчастью, не стоило обижать нашего стажера. Когда кровь в жилах этого потомка викингов закипала, наполняя разум возмущенный зловредными испарениями, он становился практически неуправляем, и удержать его могла только железная клетка.

Но вот рука хайсборновского оруженосца опустилась, контуженная множеством тяжелых ударов, и стальной шар врезался ему в грудь, выбивая из седла и ломая ребра. Виконт, моментально успокаиваясь, спрыгнул с коня и подбежал к упавшему.

– Он не был пацифистом, – сумрачно изрек Кристиан, щупая пульс бедолаги.

А между тем наш поединок с Хайсборном все продолжался, несмотря на то что рыцарь был еще раз ранен – на этот раз в предплечье. Но вот при очередном развороте длинный плащ моего противника взвился, раздуваемый ветром, и я, ухватив его за край, резким рывком накинул полотнище на шлем врага, моментально ослепляя его.

Рыча от ярости, Хайсборн попытался освободиться от предательского плаща, но я, подхватив рыцаря под руки, всем своим весом увлек его наземь. Удар был столь силен, что мой противник потерял сознание. Я резко вскочил на ноги и, к ужасу своему, увидел отряд из трех десятков рыцарей и оруженосцев, наметом вылетающий из подлеска. Вслед за ними следовало сотни полторы копейщиков и до полусотни лучников.

– Господи, ну почему, почему так? Летели бы самолетом – давно бы уже были в Лондоне, – обреченно вздохнул Лис, автоматически пересчитывая оставшиеся стрелы. – Куда смотрит компания «Бритиш Эйр»?

– Остановитесь, сэр рыцарь! Я – шериф Ноттингемский! – Богато одетый всадник с массивной золотой цепью на груди остановил своего буланого скакуна у подножия холма и властным жестом поднял руку вверх.

– Час от часу не легче. Ну что за напасть такая?! Ста ярдов нельзя проехать по земле Английского королевства, чтобы не наткнуться на живой персонаж местного фольклора! – пробормотал я, слегка отводя меч от горла своего врага.

– По какому праву, сэр, вы нападаете на людей королевской службы и мешаете им выполнять приказ?

– Прошу простить меня, господин шериф. Этот рыцарь, носящий герб Хайсборнов, не назвав себя, не огласив причины, атаковал меня. В чем же я виноват? Единственное, что мне, по счастью, удалось сделать, – это помешать пронзить насквозь вашего покорного слугу. – Я слегка поклонился, стараясь говорить как можно учтивее.

– Вы помешали ему и его людям схватить лесных разбойников. Тех самых людей, что стоят подле вас.

– Вот как? Возле меня находятся мой оруженосец, происходящий, кстати, из рода Ла Доннелей, и мой доблестный конюший, происходящий из рода хотя и менее древнего и жалованного титулами, но никогда не пятнавшего своей чести. Остальные же люди, которых вы здесь видите, также никак не разбойники. Только благодаря им мне и моим спутникам удалось отыскать дорогу в шервудских чащобах. Ибо, сбившись ночью с пути, мы уже потеряли всякую надежду выбраться живыми из этого леса, когда эти добрые люди, единственно волей Всевышнего посланные нам навстречу, вывели нас на дорогу. Следовательно, мы обязаны им жизнью. И я не позволю вам схватить их. Во всяком случае, клянусь честью, прежде чем вам удастся сделать это, вы вынуждены будете сразиться с нами. А еще раньше проститься с этим рыцарем!

Острие моего меча вновь вернулось к горлу Хайсборна.

– Капитан, взять его на прицел? – услышал я в мозгу голос Лиса.

– Всенепременнейше.

– Да кто вы такой, сэр рыцарь, чтобы позволять или не позволять мне делать что-либо?! – Шериф явно начинал выходить из себя.

«Подобный вопрос сегодня уже звучал», – невольно усмехнулся я, выдерживая подобающую паузу и злорадно предвкушая эффект, следуемый за моим именем.

– Простите, господа, я не представился. Вальдар Камдил, к вашим услугам. Вальдар Камдил сьер де Камварон, именуемый также Верная Рука. Старший сын герцога Камваронского, Ингвара III Камдила, родного брата короля Вестфольда Эстоляда VI Свирепого и Полин де Берсак, дочери герцога Наваррского Беогарда, о чем прямо свидетельствует мой герб. – Я указал на обломки щита, валявшиеся в высокой траве.

По лицу шерифа пронеслась буря чувств, причинившая ему немалый ущерб. Одно дело – неизвестный худородный рыцарь с парой слуг и уже совсем другое дело – вестфольдский принц, племянник короля, славившегося на всю Европу своим далеко не кротким нравом. А что совсем плохо – тот самый Вальдар Камдил, конфидиент короля Ричарда.

Трудно сказать, какое из чувств взяло верх в мятущейся душе шерифа, но, как-то нерешительно оглядевшись по сторонам, он сдвинул брови на переносице и буквально прошипел:

– Взять их!

– Ну-ну, не так быстро, милорд! – Я недобро усмехнулся, указывая на Лиса, держащего одну стрелу на тетиве и две, прижатые к луку. – Не надо спешить! На тот свет не опаздывают. Мой друг Рейнар на пятидесяти ярдах всаживает три стрелы в лист, падающий с дерева. Прежде чем самый резвый из ваших воинов достигнет вершины холма, он успеет пересчитать все звенья в вашей рыцарской цепи. Когда же душа ваша, господин шериф, отправится в ад, где ей самое место, ей непременно составит компанию душа вот этого, – я ткнул Хайсборна сапогом, – с позволения сказать, рыцаря.

Шериф побледнел, слегка попятился и подал рыцарям знак остановиться. В век лошадиных скоростей и осязаемых чувств такие перлы ораторского искусства еще котиrowались.

Глава четвертая

Из огня да в полымя!

Девиз пожарной части № 13

– Что здесь происходит? – раздался за спиной шерифа звучный мужской голос. Голос этот, пожалуй, можно было бы назвать приятным, если бы не некая капризная нотка, слышавшаяся в нем.

Строй рыцарей расступился, и из-за их могучих спин выехал всадник с линялым соколом[13 - Линялый сокол – взрослый, опытный.] на руке. Вышколенный белый конь под ним, один из тех, который за невероятные деньги был куплен во время походов в Левант, рыл землю копытом и фыркал, широко раздувая ноздри. Вторая рука всадника поигрывала изящной уздечкой чеканного золота, украшенной самоцветными камнями.

Самого беглого из самых беглых взглядов на котту, вышитую тремя золотыми леопардами, было достаточно, чтобы понять, что перед нами обретается Его Высочество принц Джон Плантагенет во всей своей красе.

Надо отдать должное, он действительно был красив. В нем не чувствовалось львиной силы его брата, однако прозвище «Да и Нет», присвоенное Ричарду Бертраном де Борном,[14 - Бертран де Борн – известный рыцарь! менестрель конца XII в. Вначале сражался против Ричарда, позднее стал одним из его апологетов.] в случае с его высокородным братом Джоном звучало бы как «Не исключено, что и может быть». Спокойно-вежливая улыбка на губах принца не выражала ничего, кроме равнодушной учтивости, но холодные серые глаза с легким удивлением следили за участниками мизансцены.

Шериф пришпорил коня и, подъехав к принцу, что-то возбужденно зашептал ему на ухо. Его Высочество внимательно выслушал блюстителя порядка и, усмехнувшись, посмотрел на меня.

– Вы и есть тот самый Вальдар Камдил, спаситель нашего брата и короля? – Голос принца был столь радушен, а лицо просияло такой радостью, что всякому стороннему наблюдателю показалось бы, что сбылась самая заветная мечта Его Высочества.

Я не был сторонним наблюдателем и поэтому догадался, что означает сия улыбка на самом деле.

Я почтительно поклонился:

– К вашим услугам, мессир!

– О, что вы! Это я к вашим услугам! Друг моего брата – мой друг!

Мой полувенценосный собеседник повернулся к своей свите, спрашивая:

– Не правда ли, друзья мои?

Свита с нескрываемым удивлением моментально согласилась.

– Однако, – продолжил он, – что это вы сделали с бедным Хайсборном?

– Бедняга ранен и потерял сознание при падении с коня.

– Печальное известие. Однако надеюсь, что раны не слишком тяжелы и в скором времени сэр Кай вновь будет с нами. Право же, он очень славный юноша. Уверен, что вы еще близко подружитесь. Знаете, он так ненавидит Робин Гуда и его разбойников! Этот дерзкий негодяй убил его старшего брата. Простите несчастного сэра Кая, он, видимо, сгоряча принял вас за сообщника лесных бандитов.

– Вот уж, право, не думал, что напоминаю джентльмена с большой дороги.

– О нет, что вы! Но вот тот человек, который стоит подле вас, сжимая лук, – это Вилли Статли. Его персона мне хорошо известна.

– Эти люди спасли жизнь мне и моим спутникам, а потому было бы вопиющим нарушением законов рыцарства не вступить за них.

В моей голове родился план, настолько абсурдный, что вполне подходил к данной ситуации:

– Однако, если вы, господин шериф, утверждаете, что они разбойники, я... объявляю их своими пленниками.

Мои проводники всполошились, снова изготовившись к бою. Лишь шепот Лиса и Виконта, бросившихся разоружать их, заставил вольных стрелков сложить оружие. Но расставались они с ним с явной неохотой.

– Вот истинно рыцарское решение! Браво, сэр Вальдар! Они – ваши пленники, и вы вольны делать с ними все, что вам заблагорассудится.

Принц Джон, казалось, пришел в неопишуемый восторг от столь простого и элегантного решения.

– Клянусь, если вы даже решите отпустить их на все четыре стороны, я велю не препятствовать вам в этом.

Я мысленно усмехнулся: «В такие ловушки мы не попадаемся». Головы отпущенных мною разбойников уже через час не стоили бы и пенса за штуку. Так что препятствовать их освобождению мне бы действительно никто не стал.

– Что вы, мессир! – Я удивленно взглянул на принца. – Если они и впрямь разбойники, как вы о том говорите, то они должны предстать перед королевским судом. Я лично представлю этих людей на суд короля Ричарда, не забыв, однако, при этом присовокупить и сегодняшнюю историю от начала до конца.

– О, сэр Вальдар, вы не менее мудры, чем храбры. Безусловно, вы нашли самый наилучший выход из создавшегося положения. Я непременно желаю помочь вам в осуществлении этого прекрасного плана. С вами отправится полсотни моих

воинов. Дороги нынче беспокойны, а разбойников наверняка попытаются отбить. Этот Робин Гуд дерзок необычайно. К тому же мои люди прекрасно знают дорогу до Лондона, и вы уж точно не собьетесь с пути.

Но все это несколько позже. Сегодня я буду счастлив приветствовать вас у себя в Ноттингеме. О! И не думайте отказаться! – Пресек мою слабую попытку отказаться от приглашения принц Джон. – Вы же не хотите меня обидеть? – плотоядно промурлыкал он. – Тем более следует отметить наше знакомство.

– Господа! – воскликнул Его Высочество, обращаясь к своей свите. – Сегодня и завтра – пир в честь моего нового друга, сэра Вальдара, спасителя моего брата и нашего короля Ричарда!

– Я понял, – услышал я в мозгу унылый голос Лиса, – затягивать на обед под угрозой оружия – национальная английская традиция.

– Ладно, ты, этнограф хренов! – обиделся я за родную страну. – Лучше сообрази на трезвую голову, чем на этот раз расплачиваться будем?

– А неплохо бы сейчас плотно поесть, – мечтательно-аппетитно присоединился к нашей мысленной перебранке Виконт.

Наконец кортеж, вернее сказать, конвой, закончил почетное построение вокруг нас, и длинная колонна всадников, блистая доспехами и разноцветием одеяний, двинулась все-таки в Ноттингем, где, как мы уже знали, находилась резиденция принца Джона.

Предшествуемые трубами и скороходами, мы неслись по местному пейзажу, поднимая всю пыль, накопившуюся на дороге за последние несколько веков. Попадавшиеся изредка нам навстречу фигуры крестьян, казалось, были изваяны Всевышним одновременно с окружающим ландшафтом; и та подвижность, с которой они сгибались в поклоне при виде леопардов Плантагенета, была, пожалуй, даже странной и неуместной.

...По этой дороге нам с Лисом ездить уже доводилось. И мало что изменилось на ней с тех пор. Но тогда... Наша задача была уже выполнена, и, потратив

несколько дней на отдых и чревоугодие, мы, гордые собой, возвращались в постылые стены родного Института. И воспоминания наши были легки и приятны, ибо что может быть приятнее, чем воспоминания о победоносном шествии по стране после плотного ужина.

Могучая эскадра под предводительством новоиспеченной грозы морей графа Шамберга, несмотря на его героические попытки управлять вверенным ему флотом, все-таки причалила к скалистым берегам Туманного Альбиона. Великая армия, стоявшая под знаменами короля Ричарда, на момент высадки насчитывала чуть более десятка рыцарей и около полутора сотен латников и лучников. Оказавшись на твердой почве, граф Шамберг, придя в себя и с радостью сбросив опостылевшую шкуру морского волка, как и подобает рыцарю Атакующей Рыси, моментально осадил ближайшую к месту высадки крепость.

Еще последние воины сходили с кораблей на берег, когда первые уже отчаянно переругивались со стражей на стенах, обалдевшей от столь стремительного натиска. Крепость Бансингтон, обитателям которой первыми посчастливилось узнать о возвращении блудного монарха, едва успела поднять мост и закрыть ворота перед неизвестно откуда появившейся оравой головорезов во главе с имперским бароном.

Возмущенный таким неуважением к августейшей особе короля, Росс потребовал немедленно вернуть мост и ворота в исходную позицию, угрожая в противном случае сжечь город дотла. Отважный комендант Бансингтона сэра Джордж Лесс, ставший вскорости лордом Суффолком, демонстративно напялил на голову рогатый шлем и занялся проверкой готовности гарнизона к бою, игнорируя наглые домогательства нашего друга. Меркадье и менее рослый, но не менее мускулистый Шамберг, поплевав на ладони, взяли в руки по внушительной секире и не менее демонстративно начали рубить дуб, росший на расстоянии полутора выстрелов из лука от стен.

Мы с Лисом также было настроились поучаствовать в молодецкой забаве, но все испортил Ричард. Примчавшись на взмыленном коне, он в весьма недвусмысленных выражениях заявил, что не позволит нам сжигать его собственные крепости. Шамберг и Меркадье несколько приуныли, но, право же, штурм был уже излишним. Заметив фигуру короля, гарцевавшего ввиду стен, доблестные защитники Бансингтона во главе с комендантом огласили воздух приветственными воплями и начали подбрасывать вверх свои шлемы.

«И в воздух чепчики бросали», – прокомментировал увиденное мой напарник. Уже через несколько минут гарнизон крепости, зарыв секиру войны, яростно брался с непобедимым воинством короля Ричарда. Наскоро подкрепившись голубями мира, плотной стаей летавшими вокруг города, Ричард грохнул кулаком об стол и разразился получасовой речью, смысл которой сводился к классическому утверждению, что «Победа будет за нами, враг будет разбит!».

Я, Лис и еще несколько человек, имевших несчастье быть обученными грамоте, последующие несколько дней занимались унылым писанием агитационных прокламаций, диктуемых Его Величеством. А еще через несколько дней под стенами Бансингтона находилось более трехсот рыцарей и не менее четырех с половиной тысяч иного войска. Здесь мы распростились с нашим венценосным другом, но, как сообщали агентурные данные, подобная демонстрация силы вполне убедила принца Джона не совершать опрометчивых поступков.

Взяв с собой первых лордов и два десятка рыцарей для охраны, он, раскрыв объятия, поспешил к побережью, дабы припасть к братской груди и оросить кольчугу на ней потоком скупых слез братской радости. Не знаю, как себе представлял высадку Ричарда Отгон Лейтонбургский, но, наблюдая это победное шествие, я невольно подумал, что здесь король вполне обошелся бы и без нашей помощи.

Печально вздохнув, я напомнил Лису, желавшему урвать пару-тройку листиков от лавров Ричарда Львиное Сердце и посему рвавшемуся вослед королю, что где-то там, в далеком родном мире, в тиши кабинета, набитого шедеврами великих мастеров, страдает от разлуки наш обожаемый шеф. Лис тут же помрачнел, ибо понял, что каждый лишний день разлуки сулит нам долгие часы унылого распекания.

– Может, ты объявишь меня пропавшим без вести? А потом, недельки через две-три, я обязательно появлюсь, – безнадежно осведомился Лис, жалобно глядя мне в глаза.

– Э-э, нет, друг мой. Мы вернемся вместе, – ответил я. – Нести тяжелый крест общения с Отпрыском в одиночку я не намерен.

Посему триумфальный въезд Ричарда в коленопреклоненный Лондон нам лицезреть не удалось. Вместо этого шоу мы любовались скорбным ликом

исстрадавшегося от тоски по нам Готлиба фон Гогенцоллерна, выдававшего свои соображения по поводу прошедшей операции. По его словам выходило, что операцию мы провалили с блеском, что конечный результат никоим образом не является следствием нашей бурной жизнедеятельности в том несчастном измерении, что с таким же эффектом можно было бы подвергнуть Трифель ракетному удару; и вообще, судя по тому, что наша доходная часть превысила расходную, он хотел бы знать, чем мы там, собственно говоря, занимались. Представленный нами отчет Отпрыска явно не удовлетворил.

Но самое худшее ожидало меня не здесь. Послonyaвшись полдня по Институту в надежде найти Арви Эмрис, дабы, как и было обещано, сложить к ее ногам славу своего деяния, я не обнаружил даже туфельки с этой ноги. Отчаявшись найти ее, я, наплевав на все законы субординации, ввалился к старине Зефу и напрямик спросил его о местонахождении Арвешки.

Рассел несколько помрачнел и указал мне на глубокое кожаное кресло: «Присаживайся». После этого он подошел к великолепному доспешному набору работы миланских мастеров и, засунув руку под забрало шлема, что-то повернул. Кираса мягко опустилась, демонстрируя содержимое «желудка» воображаемого рыцаря. «Желудок» хранил исключительно спиртное, причем неописуемо высокого класса и еще более неописуемой цены.

Судя по той бутылке, которую выбрал Зеф, новости ожидались наихудшие.

– Арви? – переспросил он. – Миссис Арви Мак-Гил изволят пребывать в свадебном путешествии, вот только не помню точно где. То ли в Рио-де-Жанейро, то ли в Йоганнесбурге...

Он протянул мне наполненный до краев бокал.

– Советую тебе выпить за их счастье. Это лучшее, что ты можешь сделать в данной ситуации. Она просила меня переговорить с тобой, но я слабо представляю о чем.

Дослушав эти слова, я подумал, что, может, и не стоило торопиться возвращаться к родным пенатам и что наверняка королю Ричарду еще пригodiлось бы наше общество...

На следующее утро мой верный брауни робко потряс меня за рукав, и я обнаружил, что лежу на полу, завернувшись в шкуру белого медведя и подложив под голову оторванное с корнем сиденье от стула работы мастера Гамбса.

– Его светлость двадцать третий герцог Бедфордский изволят желать пива... – робко произнес мой домовый, преданно глядя мне в глаза. – А у нас нет пива!

– А что... у нас... есть? – медленно произнес я, с трудом ворочая тяжелым языком.

– После вчерашнего у нас вообще ничего нет. Только вода из-под крана, – добавил он, минуту подумав.

Меня такой вариант вполне устраивал, но для лорда Рассела подобное предложение было бы равносильно личному оскорблению. Громкий храп доносился из соседней комнаты. Насколько я мог слышать, храпели в два голоса. Придав своей голове вертикальное положение, я мучительным усилием воли вернул пол и потолок туда, где им полагалось быть изначально, и предался размышлениям.

«Если герцог Бедфорд, сиречь старина Зеф, просит пива, значит, он не спит. А если он не спит, значит, не храпит. Ну а поскольку он не храпит – соответственно не может храпеть в два голоса. По-моему, логично, – подумал я, на всякий случай проверяя цепочку своих рассуждений путем от противного. – А кто же тогда храпит за стеной?»

Мой маленький брауни все еще ждал от меня вразумительного ответа, держа алебарду «на караул».

– Послушай, малыш, – с трудом спросил я. – Кто это там храпит?

– Те двое полицейских, которых вы с лордом Расселом изволили вчера привезти с собой.

– Мы привезли с собой полицейских?

– Да, милорд. Связанных.

– Почему связанных?

– Его светлость герцог Бедфорд изволил сказать, что они нажрались, как тамплиеры, и буянили в общественном месте, а потому их никак нельзя было оставить без присмотра.

– Кто нажрался? Полицейские?

– Да, милорд. Если будет угодно вашей милости, я их разбужу. Однако должен вам сказать, что эти господа действительно были весьма пьяны.

«Господи! Что же это творится! Чем это мы занимались?»

События вчерашнего вечера рисовались мне не более четко, чем береговая линия Америки на картах семнадцатого века. Я смутно помнил какой-то полутемный бар с двумя крашеными блондинками, терзаемыми кишечными коликами посреди сцены величиной с фуражку адмирала флота Ее Величества. С каждой минутой страдания девиц становились все больше, а одежды на них оставалось все меньше. И то сказать, в баре было жарковато.

Следующее мое воспоминание тоже относилось к бару, но, видимо, уже к другому. Потому что в этот бар лестница вела вниз, а тот наглец, который потребовал ключи от моего «лендровера», падал через перила с довольно-таки высокого крыльца.

Что же еще? Ну были еще те клепаные молокососы, которые, проносясь на своих сумасшедших мотоциклах, обрызгали Зефа. Не помню, вернул ли лорд Рассел им вожаделенные «харлеи», но то, как эти мотокентавры играли в конный бой, сидя на плечах друг друга, – я помнил отчетливо.

Господи, откуда же взялись пьяные полисмены?

– Разбуди одного из храпунов-бобби[15 - Бобби (сленг) – прозвище английских полицейских.] и пошли в супермаркет за пивом для его светлости. А сам, будь добр, позаботься о завтраке, – произнес я, извлекаясь из медвежьей шкуры.

– Слушаюсь, милорд, – склонился в почтительном поклоне брауни, стремительно бросаясь выполнять доверенное ему поручение.

Праздники кончились, начинались суровые институтские будни...

И вот мы снова были здесь. Снова мчались по этой дороге, но в этот раз сопровождая блистательного принца Джона, скакавшего рядом со мной и то и дело бросавшего на меня пламенные взоры, полные нескрываемой радости и какого-то хищного торжества.

Но вот из-за горизонта начали выныривать мощные башни Ноттингема.

– Держите ухо востро, джентльмены. Есть авторитетное мнение, что на этот пикник будет значительно легче попасть, чем выбраться, – передал я по мысленной связи своим друзьям.

– Очень мудро подмечено, – проворчал Лис. – Если ты уже придумал, как это сделать, то, будь уж так любезен, сообщи мне свой план до того, как придется прыгать с очередного моста.

– А по мне, так сначала надо поесть, а уж потом думать, как отсюда уходить. На пустой желудок все равно ничего путного в голову не идет, – вмешался стажер.

– Тем более что другого выхода у нас все равно нет, – все так же мрачно констатировал Рейнар Л'Арсо д'Орбиньяк, сдерживая коня. – Остается надеяться, что хоть кухня у них тут приличная.

Копыта лошадей зацокали по мосту, и мы очутились в темной арке ворот, едва освещенной парой факелов. Расторопные стражники со значками принца Джона суетливо приветствовали своего господина. Железная решетка с переплетенными прутьями толщиной в руку медленно поползла вверх.

– Однако, Капитан, похоже, здесь затевается смотр войск Ноттингемского военного округа, – услышал я в голове голос Лиса.

– Не только. Я видел здесь гербы Кюсар де Мерль и Бретшердов, а их замки далеко отсюда.

– Сэр Вальдар, – услышал я за спиной незнакомый тихий голос. – Слушайте меня, не оборачиваясь.

Глава пятая

Кушать подано!

Граф Дракула

Голос незнакомца был настолько тих, что я едва слышал его за цокотом копыт и лязгом железа.

«Никаких интервью для газеты», – пробормотал я, включая связь и вызывая Лиса.

– Сережа, тут какой-то сэр жаждет пошептаться со мной. Он чуть сзади и правее меня. Ты что-нибудь можешь о нем сказать?

– Гм, немного. Спина, так, ничего. Хорошая спина, не горбатая. Плащ темный, оторочен мехом. Хауберг, оплечье – ничего особенного. Эмблемы на щите отсюда не разглядеть. Да и не больно-то их при таком свете увидишь. Жеребец под ним гнедой. Хороший опять же жеребец. Вот в общем-то и все.

– Негусто. Ладно, послушаем, что он скажет.

– Послушаем, – согласился Лис, – только если денег будет просить – не давай. Мало ли, какой змей попадется. Знаю я этих сэров. Возьмет у тебя займы до завтра, а сам – шасть в Святую Землю, ищи его там.

– Ладно, не волнуйся, – оборвал я связь.

Дрожащий свет факелов метался по мрачным сводам тоннеля, выхватывая из окружающей темени неровные куски закопченной кладки. Наша кавалькада медленно втягивалась в каменный проход, отбрасывая гротескные причудливые тени, скользившие рядом с нами по стенам и плитам мостовой. Атмосфера, создаваемая этим местом, этим светом, этими людьми, невольно располагала к мистическому восприятию объективной реальности, данной нам Господом в ощущении. Дух чернокнижия буквально витал в воздухе, смешиваясь с запахами навоза, сырых кож и еще добрым десятком подобных ароматов.

– Я слушаю вас, – в тон моему неизвестному собеседнику произнес я.

– Милорд Вальдар, должен вас предупредить. Вы попали в пресквернейшую ситуацию.

– Об этом я в общем-то догадался.

– Да, но вы еще не представляете, насколько она скверна!

– Чего же мне здесь опасаться? Неужто кто-то здесь посмеет покушаться на личного друга короля Ричарда?

Наступила пауза, во время которой мой неведомый доброжелатель, по-видимому, строил судорожные догадки, такой ли я дурак, как кажусь, или только прикидываюсь таковым. Поскольку после минутного молчания он продолжил свою речь, очевидно, чаша весов склонилась ко второму варианту:

– Через пару дней король Ричард с войском отправится во Францию подавлять бунт своего вассала виконта Лиможского. Ровно столько же продлятся празднества в вашу честь. Сомневаюсь, однако, что принц Джон всерьез решил долго строить из себя гостеприимного хозяина. У него хорошая память, и он далеко не дурак. Не сомневаюсь, вы найдете в нем для себя достойного противника. Так что не настраивайте себя на отдых. К тому же ко всем прошлым обидам сегодня вы нанесли ему еще одну. Сэр Кай Хайсборн – любимец и телохранитель принца. Так что, говорю вам еще раз, вы попали прямо в волчью пасть. Вам не следует задерживаться в Ноттингеме.

Я горько усмехнулся. Будь моя воля, сегодняшняя экскурсия по местам боевой славы не рассматривала бы этот город в качестве объекта, обязательного для

посещения. Но кому здесь было дело до моего мнения?

– Это все? – осведомился я.

– Нет. Но остальное, вероятно, вы увидите сами. От вас не будут слишком прятаться. Насколько я знаю принца Джона, а поверьте мне, я знаю его хорошо, вы никогда более не должны покинуть этих стен.

– Спасибо за предупреждение...

– И еще! – быстрым шепотом перебил меня незнакомец. – Совет напоследок. Если вы все же решите попробовать выбраться отсюда, то езжайте через нижние ворота во время первой стражи.

– Скажите, почему вы все это мне говорите?

– Я – верный слуга своего господина, – бросил неведомый союзник и, пришпорив коня, скрылся в сумерках.

Выехав на центральную улицу Ноттингема, кортеж вновь ускорил движение и, сопровождаемый ревом труб, пронесся через торговую площадь, пугая запоздалых лавочников, и далее, мимо ратуши к цитадели.

Вид этой крепости наводил на мрачные мысли. Имея соответствующие запасы провизии, в ней можно было обороняться произвольно долго от армии противника, раз в двадцать превосходящей силы гарнизона. Особенно в эти блаженные времена, не знающие пороха. Однако при всей своей фортификационной мощи для мало-мальски комфортного обитания эта твердыня была явно не приспособлена.

– Лис, давай немного подумаем вместе, – вызвал я своего напарника.

– Превосходная идея! Сам придумал или кто подсказал? – язвительно поинтересовался Рейнар.

– Нашлись добрые люди, подсказали... – в тон своему другу ответил я.

– Вы это об чем? – поинтересовался наш любознательный стажер.

– Не волнуйся, мой друг. Мы говорим о взрослых вещах. Тебе этот процесс еще не знаком, – продолжал направо и налево язвить Лис. – Могу тебя заверить, ты ничего от этого не потерял.

– Да ну вас, – обиделся Виконт, – я же серьезно.

– А я уж как серьезно, – попробовал продолжить эту тему Сережа.

– Эй, черно-бурый, отвлекись от воспитания молодежи и давай вернемся к нашим баранам.

– Баронам, – поправил меня Лис. – А почему «черно-бурый»?

– Потому что забурел по-черному, – отвечал я. – Скажи лучше, как ты считаешь, принц Джон склонен к суровому аскетизму?

– Ага, примерно как я к посту и умерщвлению плоти. В смысле, конечно, своей плоти, – подумав, уточнил он.

– Тогда какого рожна он свил себе гнездо в этом драконьем логове?

– Может быть, чего-то опасается? – вставил свое умное слово Виконт.

– Скорее к чему-то готовится, а еще вероятнее – и то и другое вместе.

– Похоже, что так. А судя по количеству съехавшихся баронов...

– И их отрядов.

– И их отрядов. Безусловно. Так вот, судя по имеющимся у нас скудным, но вполне впечатляющим данным, – это совсем не выставка достижений народного хозяйства.

– Это уж точно. Меня в этом деле одно интересует. Скажи мне, Капитан, – это в Европе так много заговоров или же у нас на них какое-то особое везение?

– Не знаю. Но только мне почему-то кажется, что мы скорее имеем дело с обратной стороной одного и того же глобального заговора.

– Ты же слышал, командир... Отпрыск тебе четко и ясно объяснил, что никаких глобальных заговоров не бывает. Все это плод твоего воображения и, как это он завернул: «бессознательной фальсификации разобщенных и несоотносящихся фактов исторического процесса». О как! Умеет же мужик умно говорить. Не то что некоторые.

– Лис, отвлекись от своих разглагольствований. Как ты сам уже имел возможность слышать, наш друг Ричард сотоварищи через пару дней покидает Туманный Альбион и отправляется на континент отстаивать свои исконные тамошние владения. Отсюда следует только одно: мятеж уже готов к употреблению. Дело за сигналом.

– Которым и станет отъезд короля, – продолжил мою мысль Рейнар.

– Похоже, что так.

– Тогда нам действительно шашлык.

– Прости, что?

– Такое блюдо из мелких отдельных кусочков мяса, которое сделают из нас при первом же удобном случае, – со знанием кулинарного дела объяснил мой друг.

– Это уж точно. Хотя не исключено, что из этой ловушки есть лазейка.

– Ты имеешь в виду таинственного незнакомца? – произнес Лис, делая ударение на букве Н в слове «таинственного».

– Кого же еще. Хотя эта лазейка вполне может оказаться новой каверзой принца Джона.

– Зачем?

– Ну, насколько я имел возможность рассмотреть нашего самозваного друга, Его Высочеству куда как больше нравится травить зверя, чем встречаться с ним лицом к лицу.

– Замечательное наблюдение. Однако другого выхода у нас пока что все равно нет.

– Вот интересно, – размышлял я вслух, в смысле про себя. – Если наш анонимный доброжелатель – человек короля, то Ричард знает о существовании заговора.

– Ты же знаешь, Капитан, что наш добрый друг Дики Львиное Сердце во всем, что касается его персоны, проявляет редкую неосмотрительность и безрассудство. А может быть, он просто не верит, что его милый братик сделает такую каку и вторично попытается всадить ему нож в спину.

– Зря. Это вполне в духе традиций рода Плантагенетов. В этом семействе уже который век идет какая-то странная внутренняя война. Безумно милая семейка, я тебе скажу.

– Ладно, посмотрим, что будет дальше?

Тем временем ворота цитадели успели распахнуться и захлопнуться за нашей спиной. Широкий крепостной двор был битком набит рыцарями, их лошадьми, оруженосцами и лошадьми оруженосцев. Даже теперь, когда большая часть воинства осталась в городе, где, как мы заметили, не осталось ни одного мало-мальски приличного дома, на котором не красовался бы чей-нибудь герб или капитанский значок, в цитадели находилось не менее ста копий. В общем, теснота была невообразимая, что, впрочем, не мешало проворным конюхам принца Джона принимать лошадей, согласуясь со знатностью и важностью прибывающих особ.

Как только наши ноги ступили на гранитные плиты двора, рядом с нами материализовался невысокий грузный человек в богато расшитой одежде. Значок принца Джона и подобострастное выражение на его надменном обрюзгшем лице заставляли предположить, что перед нами не менее чем личный мажордом Его Высочества. Отметив про себя это проявление почета,

которым нас с видимой старательностью окружал младший Плантагенет, я дал знак своим спутникам двигаться вслед за мной и держать ухо востро.

Крутая винтовая лестница шириной едва ли в ярд освещалась убогим светом, поступавшим из узких щелей бойниц, то там, то здесь прорезанных в каменной шкуре мрачной башни донжона, сложенной, казалось, руками великана. Впрочем, может, именно так оно и было. Судя по количеству факелов, укрепленных на стенах, энергетический кризис вовсю свирепствовал на территории графства Ноттингемшир, а потому ночная иллюминация здесь не отличалась особенной роскошью.

Наконец унылое однообразие этого восхождения было нарушено, хотя и несколько неожиданным образом.

Не успел Виконт пробормотать по связи: «Не могли лифт поставить, сволочи!», как на очередном повороте мы уткнулись носом в толстенную кованую решетку. Точнее, я уткнулся в спину резко остановившегося мажордома, а все остальные в порядке следования – в спины впереди идущих. Я бросил взгляд вверх и увидел то, что хотел увидеть.

– Лис, – позвал я. – Бойницы видишь?

– Вижу, – ответил Рейнар, немного помолчав. – Не хотел бы я штурмовать эту лестницу.

У меня болезненно заныло между лопаток, когда я представил себе трехфутовую стрелу, готовую в любую секунду сорваться из каждой бойницы.

– Да, хорошо они тут устроились. Со вкусом, – пробормотал я.

Между тем наш провожатый просунул пухлую руку сквозь прутья решетки и что-то с силой дернул. Как нам почудилось, в глубине стены зазвенел колокольчик. Через минуту выше по лестнице послышался какой-то шум, а вслед за тем – тяжелые шаркающие шаги.

– Черт возьми, похоже, на этом парне целая скобяная лавка, – услышал я голос Лиса, и в тот же момент массивная фигура охранника появилась из-за поворота.

Добротная кольчуга, облегающая его мощный торс, была перехвачена в талии широким кожаным поясом, украшенным множеством медных блях. Тяжелый боевой топор, рукоять которого виднелась из-за спины, недвусмысленно указывал, что перед нами отнюдь не новичок в ратном ремесле. Страж со скучающим видом выслушал мажордома, кивнул и пошел обратно. Через несколько минут решетка со скрежетом начала подниматься.

Еще три десятка шагов, и лестница уперлась в глухой тупик. Такой неожиданный архитектурный сюрприз мог сбить с толку кого угодно, однако, к нашему счастью, мы не штурмовали цитадель, а были в ней зваными гостями. Часть стены справа от нас мягко и плавно отъехала в сторону с тем самым неясным шумом, который мы уже слышали.

– Лихо! – присвистнул Лис, трогая шероховатый камень. – Весело строили и с душой.

– Обрати внимание, Рейнар. Здесь дублированная блокировка дверей. Решетка и стена одновременно открытыми быть не могут.

Мы вошли в помещение, находившееся по ту сторону плиты. Это была кордегардия, полная стражников, пивших, игравших в кости, отдыхавших на длинных скамьях или занимавшихся своим оружием и снаряжением, – словом, она не отличалась от сотен подобных кордегардий, находившихся в любом уголке Европы. Наш проводник что-то сказал ветерану, встретившему нас у решетки, и тот согласно кивнул в ответ.

– Милорд, – обратился ко мне мажордом, склоняясь настолько низко, насколько позволял ему его высокий сан. – Я проведу вас в приготовленные для вашей милости покои. Об остальных людях позаботится Гремольд, он получил на этот счет все соответствующие указания.

– Ничего подобного, – с высокомерной небрежностью, подобающей сиятельному лорду, заявил я. – Они должны быть размещены там же, где и я.

– Но, ваша милость... – На лице слуги появилось выражение досады, смешанной с недоумением. – Такова воля принца.

– Мы с Его Высочеством сами решим этот вопрос. А вы, любезнейший, выполняйте то, что вам говорят, и, сделайте милость, поживее, – как бы невзначай моя рука легла на эфес Катгабайла, и я удовлетворенно отметил про себя, что мой жест не остался незамеченным.

– Мне придется доложить об этом принцу. – Мажордом слегка побледнел, но все еще стоял на своем.

Мои брови сошлись над переносицей, уголок рта стал нервно подергиваться от сознания, что моему сиятельству приходится снизойти до пререканий с плебеем. Я холодно-высокомерно глянул на дерзнувшего послушаться моего приказания. «Теперь важно не пережать», – мелькнуло у меня.

– Мне нет дела до того, о чем вы намерены докладывать принцу. – В моем голосе сталью зазвучала хорошо отрепетированная ласковая ярость. – Либо вы поступаете так, как я вам велю, либо мы немедленно покидаем Ноттингем. Сомневаюсь, что Его Высочество будет рад этому.

Сказать об этом было гораздо легче, чем сделать оное. Однако благодаря моему классическому самодурству довод возымел желаемое действие. Видимо, старый лизоблюд не был посвящен в планы своего господина, и перспектива выпроводить знатного гостя его явно не прельщала. Он недовольно пожал плечами и, пробормотав что-то себе под нос, направился к двери в другом конце кордегардии. Как и все ранее виденное в этом замке, дверь была сделана весьма добротнo. За дверью оказалась новая лестница, приведшая нас в конечном счете в апартаменты «высокого» гостя. Я с наслаждением рухнул на ложе под балдахином, застеленное медвежьими шкурами.

– Добро пожаловать в мышеловку, благородные сэры. – Лис всегда отличался склонностью к тонкой задушевной шутке в самый подходящий для этого момент. За такие шутки...

Оставив, однако, наказание моего доброго друга до следующего раза, я стал осматривать помещение, где нам предстояло провести ближайшие, а может быть, и последние часы. Помещение, которое в зависимости от точки зрения можно было бы рассматривать либо как мышеловку, либо же как плацдарм в тылу врага. Второй вариант нравился мне гораздо больше, хотя положение наше от этого не менялось ни на йоту.

Итак, убогая роскошь, с которой было обставлено наше обиталище, свидетельствовала о сравнительно недавно начавшемся разграблении Востока, а также об отсутствии вкуса у хозяина здешних мест. Богатые хоросанские ковры, в которых наши изрядно запыленные сапоги тонули по щиколотку, соседствовали с не менее богатыми гобеленами, изображавшими сцены охоты. Сквозь пыль и копоть от факелов, освещавших залу, угадывались все еще свежие краски. Когда же порыв ветра, проникавшего сквозь щели в свинцовом переплете окон, вздувал полотнище гобеленов, в мерцающем свете факелов казалось, что вытканые фигуры оживают и живут собственной жизнью.

Высокое ложе, на котором без труда могло разместиться на привал отделение королевских лейб-гренадеров, как я уже говорил, было застелено, вернее, завалено медвежьими шкурами вперемежку с изящнейшими подушками, явно позаимствованными в чьем-то приватном гареме.

– Капитан! И снова риторический вопрос: как мы будем отсюда вылезать?

Традиционность этого вопроса не восхитила меня, а потому я лишь рассмеялся в ответ, расстегивая ремни перевязи меча.

– Как всегда, Лис. Не ранее обеда. Сохраняй спокойствие. Если разобраться, здесь не так уж и плохо.

– Ну, в сравнении с подземельем Трифеля это, несомненно, так...

– Ладно! – прервал я наши состязания в риторике. – В общем, то, что как-то может называться планом, состоит в следующем. «Номер раз»: мы даем скрыться нашим друзьям и Кристиану. – Я кивнул в сторону стажера, что-то усердно искавшего в одном из наших вьюков. – Его задача – добраться до Лондона до того, как наши некрологи...

– Понятно, дальше! – перебил меня Лис.

– Хорошо. Дальше. «Номер два»: мы пока остаемся здесь и продолжаем разведку.

Брови моего верного напарника стремительно поползли вверх.

- Капитан, ты что, серьезно? Нет, ты это, конечно, умно придумал! После «номер раз» наш «номер два» накроется звонким медным тазом.
- Как бы то ни было, другого плана пока нет. Детали, как всегда, уточним по ходу пьесы.
- Вот! – радостно сообщил Виконт, протягивая мне нечто на раскрытой ладони.
- Что это? – спросил я, недоуменно уставившись на какие-то маленькие приборчики в широкой лапе отпрыска Ла Доннелей.
- Это? «Клопы». «Жучки» то есть.
- Что-что? – Тут уж мы с Лисом были сражены на месте.
- Подслушивающие устройства, – гордо просветил нас Крис.
- Скажите мне, господин де Монгийе, – очень медленно произнес я. – Скажите мне положи руку на сердце как дворянин дворянину: вы Льежскую конвенцию читали?
- Ну, в общих чертах...
- В адаптированном издании для учащихся церковно-приходских школ нижней ступени, – вставил свое веское слово Лис.
- Видите ли, мой друг. Статья № 7 данного документа запрещает использование в мирах с низким уровнем технологий подобных чудес цивилизации. Камеры перехода и средства связи, конечно же, не в счет.
- Что ж, я все это зря тащил? – В голосе моего оруженосца слышалось глубокое разочарование. Он сделал неопределенный жест в сторону нашей кладби, как бы ожидая высокого приговора.
- Влетит? – вздохнул Лис, вопросительно глядя на меня.

– Все равно влетит. Снаряжение не проверили, – махнул я рукой.

– Ладно, будет день, будет пища. Разберемся. Давай сюда свои игрушки.

На лестнице за дверью слышались гулкие шаги.

– Тихо, кого-то несет!

В дверь постучали.

– Ваша милость, принц Джон просит вас оказать ему честь, посетив его, – знакомый уже нам слуга склонился в изящном поклоне.

– Подожди за дверью! – Повелительный жест моей руки заставил его прервать речь. – Я сменю платье, и мы отправимся к твоему господину.

Посыльный вновь склонился и, бесшумно пятясь, покинул мои покои.

– Так, ребята, поехали. Сразу приступаем к пункту номер два. Виконт, подбери-ка мне что-нибудь по моде сезона. Официоз, но с эдаким оттенком гусарства.

Не скажу, что мне удалось уложиться в сорокапятисекундный норматив, о котором частенько рассказывал Лис, но, в общем, смена моего наряда не заняла слишком много времени. Наконец я одернул свою лазоревую, шитую золотом котту, поправил короткий, опушенный искристым мехом соболя плащ и, проверив, легко ли выходит из ножен кинжал, счел себя готовым к нанесению неофициального, но очень дружественного визита.

– Хорош, – подтвердил Рейнар, придирчиво оглядывая меня со всех сторон. – Представительский вариант.

– Ладно, друзья мои, я пошел. Лис, остаешься за старшего. Не скучайте. Ведите себя хорошо.

– Ходите только на горшок. Не ешьте манную кашу руками, – продолжил мою тираду д’Орбиньяк. – Мы в курсе дела. Давай, Капитан, с Богом!

– Держитесь на связи.

– Ладно. Не учи ученого.

Глава шестая

Нет оружия более коварного, чем правда, сказанная в нужное время в нужном месте.

Лорд Сен-Джон Болингброк

Стоило мне только переступить порог – и Его Высочество принц Джон устремился мне навстречу, весь лучась приветливостью и протягивая руку для пожатия. Пламя факелов испуганно метнулось в сторону от неожиданности, и я разглядел богато сервированный стол на двоих. Не замечая протянутой руки, я инстинктивно сжал рукоять кинжала и склонился в традиционном учтивом поклоне. От принца Джона не укрылось движение моей руки, но он лишь печально усмехнулся и покачал головой.

– Ах, сэра Вальдар, сэра Вальдар! Досадно, что вы не слишком настроены доверять мне.

Мое лицо выразило деланное удивление.

– Да что вы говорите?

– Только то, что вижу своими глазами, мой дорогой друг. А вижу я то, что вы абсолютно не склонны мне доверять. Право же, зря! Вы и не представляете, видимо, насколько велико мое уважение к вам, ибо я стольким вам обязан!..

Отблеск свечей зажег драгоценные искры в камнях перстней принца, они плеснули этот блеск прямо мне в лицо. Пальцы моего собеседника нервно переплелись.

– Да-да, – продолжал он. – Незачем притворяться. Я отнюдь не слепой. Вы не верите ни одному моему слову, не так ли, досточтимый рыцарь?

Мы заняли места за столом и Его Высочество самолично наполнил вином два чеканных кубка.

– Попробуйте хиосское. Поверьте мне, это настоящий шедевр виноделов. Мессир Вальдар, допустим, вы правы, не доверяя моим словам. Что ж, будем рассуждать вместе с вами.

Я немного расслабился и поудобнее устроился за столом.

– Не сомневаюсь, мой друг, что вы видите во мне братоубийцу, которому только чудо, совершенное вашими руками, помешало выполнить свой гнусный замысел.

– У меня есть все основания полагать именно так, принц, – ответил я, не особенно кривя душой.

– Несомненно, мессир Вальдар. Ведь вы спасли моего брата именно в тот момент, когда мои посланцы договаривались о его смерти.

– Разве это не так?

– Так. Однако здесь есть несколько «но». Например, статьи этого договора: «Смерть Ричарда не должна выглядеть насильственной, более того, должна казаться естественной. Второе: после смерти тело короля должно быть возвращено в Англию для захоронения».

– И в чем же тут загвоздка?

– Загвоздка в том, что люди подчас называют смертью лишь ее видимость, сиречь иллюзию.

– То есть? – спросил я, уже начиная кое о чем догадываться.

– То есть королю Ричарду вовсе не обязательно было умирать. Ему достаточно было выглядеть мертвым.

«Смерть есть сон», – вновь прозвучали у меня в мозгу последние слова Джорджа Талбота. Наконец мне стал ясен их скрытый смысл! От неожиданности я едва не прикусил язык.

– Неужели вы считаете, Ваше Высочество, что герцог Оттон не смог бы отличить живого человека от мертвого?

– Ну что вы, конечно, может! На совести этого негодяя добрая половина всех таинственных смертей Европы. Ему ли не знать, как выглядят мертвецы?! Но в том-то и вся прелесть. Давайте посмотрим: король Ричард не должен умереть от удара кинжалом, ибо подобное нарушает наше соглашение; он не может случайно упасть с коня и сломать себе шею, ибо свет еще не видел столь ловкого наездника. Что же остается?

– Яд? – заинтересовываясь все больше, спросил я.

– Вы абсолютно правы! Однако здесь появляется еще одно «но». При всей своей кровожадности Оттон Лейтонбургский терпеть не может, когда таинственная смерть врага может быть как-то связана с его именем. Как вы понимаете, мне это тоже ни к чему. А значит, должен найтись третий, достаточно могущественный враг.

«И кто же этот счастливцев? Или несчастный?» – промелькнуло у меня в голове.

– Ну, на эту завидную должность могло бы претендовать множество народу. У моего братца наблюдается редкостный талант портить отношения с людьми. Но я остановился на самой экзотической фигуре. – Принц Джон сделал эффектную паузу. – Хасан, Старец Горы.

Надо сказать, желаемый эффект был достигнут. Я зафиксировал прямое попадание. Об этих ближневосточных ниндзя мне не доводилось слышать ни одного доброго слова. Действительно, идеальная кандидатура для зверского убийства.

– И?..

– А далее мне оставалось только связаться с Саллах-ад-Дином и попросить его оказать мне маленькую любезность, придя на помощь его другу. Надо сказать, мой брат умеет находить себе друзей не менее успешно, чем наживать врагов. Оплот Ислама, наследник Магомета был столь любезен, что моему послу стоило больших трудов убедить его не посылать двадцать тысяч всадников на помощь своему августейшему другу, а взамен этого направить в наши края лишь одного человека – Иркена Аль-Хатина, искуснейшего медика, как никто сведущего в науке составления лекарств из всевозможных трав и минералов. Снадобье, изготовленное им, способно погрузить человека в глубочайший сон, неотличимый от смерти. Такой сон может длиться до тридцати суток. За это время мы бы спокойно переправили Ричарда в Англию, сведя на нет все попытки Лейтонбурга использовать моего брата как орудие для достижения своих замыслов. Согласитесь, план был хорош. И тут появились вы...

– Но к чему было затевать такие сложные игры? – горько усмехнулся я.

– К чему? – Принц встал, подошел к массивному сундуку, стоявшему у стены, откинул крышку и щедро выгреб из него ворох разнокалиберных пергаментов. Ровным слоем распределив их по столу, он пустился в объяснения.

– Вот заемное письмо лондонским купцам, вот долговая расписка на сорок тысяч солидов, взятых у ломбардцев, вот счет от венецианских корабелов, а вот это, обратите внимание, мой друг, этот интереснейший документ недвусмысленно свидетельствует о том, что наш дражайший братец занял у еврейских ростовщиков сумму, которой с лихвой хватило бы на то, чтобы заново отстроить Сионский храм. Все это – счета, счета, счета... И заметьте, то, что вы увидели, лишь малая толика того, что покоится в сундуке.

Я посмотрел на этот сундук, служивший своеобразным мемориалом идее крестовых походов, и мне стало нехорошо. Он был велик, я бы даже сказал, очень велик.

Если бы все счета и расписки когда-либо были бы предъявлены к оплате, английским королям пришлось бы сменить порфиру на рубище и просидеть на паперти Кентерберийского аббатства скорбный остаток дней своих, передавая сие малочетное ремесло потомкам вместо короны.

– Видите ли, мессир Вальдар, – прервал затянувшуюся паузу принц Джон, – последние полвека этому королевству чертовски не везло на правителей. Отец наш, урожденный граф Анжуйский, принял корону Англии в тягчайшие для страны дни. Междоусобицы и безвластие поставили ее на край гибели... И только железная воля и не менее железная рука способны были навести в ней порядок. Оба эти качества были присущи моему бедному отцу. Вскоре могучую его хватку почувствовали едва ли не все жители страны. Смута, казалось, была прекращена навечно. Однако вышло по-иному...

Мне было трудно понять, чего же больше в словах принца Джона – восхищения волею отца или невысказанной боли. Он продолжал для меня исторический экскурс.

– Грубостью и жестокостью своей Генрих настроил против себя многих вчерашних соратников. И хотя это нисколько не пугало его, но все же значительно ослабляло силу королевской власти. Тем не менее король Генрих продолжал неумные бесчинства, повергавшие в трепет всю страну. Никто и ничто не могло остановить его. По природе своей он был так же бесстрашен, как и мой брат Ричард. Ни башни неприступных замков, ни стены святых храмов не могли служить надежной защитой от безудержного гнева моего отца. Любой бы, кто выступил против него, расстался с головой прежде, чем успел прочитать покаянную молитву. Томас Бекет, архиепископ Кентерберийский, был близким другом короля и считался одним из самых приближенных к нему людей до того самого дня, когда ему вздумалось сказать слово против его тирании – тогда его не спасли ни старая дружба, ни духовный сан. И так могло быть с любым. И так оно и было, покуда не вырос Ричард и покуда Его Величеству королю Генриху II не пришла в голову светлая мысль расстаться с нашей матушкой и жениться вновь... на невесте собственного сына. Что было дальше, вы, конечно, знаете?

Я утвердительно кивнул. Отец воевал с собственными сыновьями и женой два года и одно время даже немало в этом преуспел, изловив свою некогда пылкую возлюбленную и заточив ее в крепость. Видимо, именно за это военная фортуна, разгневанная недостойным отношением к даме, лишила его всех плодов победы, и он скончался от изнурительной горячки, разбитый и затравленный, покинутый всеми былыми сподвижниками и окруженный на смертном своем одре лишь скопищем ликующих врагов.

«В какой-то из этих часов перебежал к молодому льву от старого лорд Томас Эйстон», – внезапно вспомнилось мне. Не знаю уж, почему в голове вдруг всплыл

изможденный узник замка Ройхенбах, умирающий на наших руках, но в этот час чувство жалости ни на секунду не шевельнулось в моей душе.

– Помнится, Ваше Высочество, вы тоже принимали участие в заговоре?

– Вы напрасно иронизируете, мессир Вальдар. Я действительно принимал в нем участие. Мне тяжело сознавать, что человек, против которого мне пришлось бороться, был моим отцом, но голос моей матушки, взывавший из заточения о справедливом возмездии, требовал сделать свой выбор.

Но сейчас я говорю о другом. Война, прокатившаяся по всему королевству, вновь опустошила страну. Все, что удалось скопить за несколько лет мира, было начисто промотано в два года войны.

Быть может, вам известно, что лорд Томас Эйстон, бывший в те смутные дни помощником казначея короля Генриха, перешел на сторону моего брата и передал в его распоряжение немалую сумму денег. Однако мой брат умеет их тратить с поистине королевской щедростью. Какие празднества он устроил по поводу своей коронации! Лондонцы детям и внукам будут рассказывать об этих великолепных торжествах! А что в результате? Пустая казна! Новые налоги и займы!

А потом этот поход. Да простит меня Их Святейшество со всем своим синклитом, но меня более всего беспокоит судьба этого королевства, чуть менее – нашего домена во Франции и уж совсем никак не волнуют какие-то там обетованные земли за тремя морями!

– Но святыни веры?

– Бросьте, мессир Вальдар, не повторяйте этот поповский вздор мне! Вы производите впечатление умного человека, а это, увы, большая редкость в наши дни. Не заставляйте же меня думать, что вы – зауряднейший безмозглый рубака, виртуозно владеющий мечом и хранимый судьбой для одной только ей известной цели.

Избыток горячей крови, жажда подвигов, желание поправить свои дела богатыми трофеями и захватами, быть может, даже просто желание повидать мир – это да. В это я верю. А какие-то там мощи и гробы?! Готов поклясться чем

угодно, готов держать любое пари, что ни один гроб, будь он даже трижды Господний, не заставит английского барона вылезти из своей замшелой каменной берлоги и очертя голову мчаться бог весть куда, за тридевять земель к черту на кулички, жариться в тамошних песках, как карась на сковороде, если только этот гроб не заполнен золотом до самого края, а врожденное его рыцарское чванство не будет утешено десятком ран и иссеченным наметом.[16 - Намет – небольшой плащик, надеваемый рыцарями в Святой Земле поверх шлема, чтобы избежать перегрева.]

– Да что я вам рассказываю, – распаляясь все больше, продолжал принц Джон. – Вы же сами побывали в этом аду. Ну и как вам центр мироздания?

– Не богохульствуйте, принц, – попытался уйти от ответа я.

– Оставьте, ради Бога! В моих словах не больше богохульства, чем в Нагорной проповеди. Я говорю правду. Правду, как бы горька она ни была. Если это богохульство – то к чему такой Бог?

Скажите мне, мессир Вальдар, что лично вам до святынь, которые вы клялись освободить, но так и не освободили? Сарацины, конечно, гнусные язычники, однако до того, как первый крестоносец ступил на их землю, ни одна из них не знала поругания и все святыни были целехонькими. А что теперь? Ваши подвиги, как и подвиги моего брата, на все лады воспеваются менестрелями, и герольды ведут скрупулезный учет вашим победам, но зачем? Зачем и кому они нужны? Кому от них стало легче? – Его Высочество замолчал, переводя дух и пристально глядя на меня.

Мне нечего было ответить, он, безусловно, был прав. В той игре, которую вел младший Плантагенет, рыцарство со своей бессмысленной и неумной жадной подвигов было непростительной блажью, но именно эти правила толкали принца Джона к однозначному и неминуемому проигрышу. Ибо ничто не могло свести роль благородных рыцарей к роли тяжелой кавалерии, подвластной приказам единого командования, а следовательно, все попытки что-либо менять в стране неминуемо бы натыкались на глухое сопротивление номинально подвластного дворянства.

– Когда мой брат отправился сражаться в Святую Землю, – продолжил принц Джон, несколько успокаиваясь, – он вновь встряс Англию, словно кошелек в

придорожном трактире. «Я бы продал Лондон, если бы нашел кому!» – это его слова. На наше счастье, покупателей не нашлось.

Вместе с королем в этот загробный поход отправился весь цвет нашего рыцарства, а вместе с ними – тысячи здоровых и крепких мужчин, способных держать в руках не только оружие. Что же осталось здесь? Нищая страна, со всех сторон окруженная врагами. Кого тут только не было: шотландцы, валлийцы, ганзейцы, каталунские пираты! Все эти годы я только и делал, что старался залатать дыры, проделанные в нашем кармане за последние полвека, да отгонял врагов от границ Англии.

В довершение ко всему моего любезного братца угораздило попасться в плен. Вот уж этого от него я никак не мог ожидать! Вы знаете, какой выкуп назначил император за голову своего вчерашнего союзника? Пусть будет проклят тот учитель арифметики, который рассказал ему, что в мире существуют такие числа! И что бы вы думали сотворила наша матушка, мир праху ее?

– Она начала собирать требуемый выкуп, – предположил я.

Принц Джон печально посмотрел на меня и отхлебнул из стоявшего перед ним кубка.

– Вы правы, мой друг, абсолютно правы. Во всех ее владениях, я думаю, не осталось ни одной мало-мальски ценной вещи. Как вы сами понимаете, выплата такого выкупа означала катастрофу для моей страны. Я не мог допустить этого, а потому пошел на риск, решив обвести вокруг пальца и императора, и его хитроумного дядюшку, а вместе с ними и весь голодный рой заимодавцев, ждавший только момента, чтобы вцепиться нам в горло.

Я преднамеренно распустил слух, что намереваюсь убить своего брата. Чернь не любит меня, ибо в ее глазах я значительно проигрываю Ричарду в осанке, храбрости и щедрости, а поскольку для блага страны я порой вынужден действовать жестоко и вероломно, то никто не удивился, узнав о моих замыслах.

Я невольно прикусил губу, вспоминая текст донесения, послужившего причиной нашего первого появления здесь.

– И что же?

– Чем больше ширился слух, тем дешевле становилось все это наследие. – Он указал рукой на свитки, содержащие в себе финансовую бомбу огромной разрушительной силы. – Под конец они продавались по цене пергамента. А что же касается дипломатической миссии Лоншана, на которой вы столь успешно поставили крест, то он имел право от моего имени давать любые обязательства и соглашаться на самые дикие условия. Естественно, уступая после долгой борьбы. Это понятно. Ведь все они вступали в силу в случае смерти Ричарда. После возвращения его к жизни обо всех этих договорах можно было со спокойной совестью забыть.

Я невольно поймал себя на том, что испытываю чувство восхищения разыгранной комбинацией.

Раздался негромкий стук в дверь. Виденный уже мною дворецкий, кланяясь, подошел к принцу Джону и что-то прошептал ему на ухо. По мере нашептывания лицо Его Высочества принимало все более озабоченное выражение.

– Прошу простить меня, мессир Вальдар, – принц, извиняясь, развел руками, – государственные дела вынуждают прервать нашу беседу. Надеюсь, однако, что нам еще удастся поговорить на пиру.

Вернувшись в свои апартаменты, я застал там Виконта, колдующего над приемником. Шервудские лучники обалдело взирали на это чудо техники, пытаясь понять, что, собственно, происходит.

– Ну, что передает Би-би-си? – осведомился я. Судя по доносившимся звукам, «жучок», установленный мною под столом принца, работал великолепно.

– А вот послушай!.. – Крис протянул мне наушники.

Оттуда доносились немного приглушенные расстоянием голоса. Я нажал кнопку тонкой плавающей настройки.

– ...Откуда он здесь взялся?

– Не имею ни малейшего представления. Однако его появление здесь не предвещает ничего хорошего.

– Так убейте его, черт возьми.

– Убить? – Я узнал мягкий густой баритон принца Джона. – Что ж, неплохое предложение. Вот только ответьте мне, будьте любезны, на несколько вопросов. Вопрос первый. Он отсутствовал более трех лет. С тех пор как мой брат вернул себе престол, этого славного рыцаря никто не видел. Обратите особое внимание – никто не видел. Ответьте мне: где он был все это время, откуда он здесь взялся и что ему нужно? Можете смело рассматривать эти три вопроса как один. Все равно, я полагаю, у вас нет на него сколь-нибудь вразумительного ответа. И вопрос второй: что даст мне его смерть?

– Спокойствие.

– Даже так? Увы, у меня на этот счет есть большие сомнения, и пока они не рассеются, не думаю, чтобы смерть была хорошим решением данной проблемы.

– А когда они рассеются?

Да, один из голосов я узнал сразу и с легкостью. Всего несколько минут тому назад он убеждал меня в чистоте своих намерений. Второй мне тоже был смутно знаком, но я никак не мог вспомнить, где и при каких обстоятельствах мог встречать его обладателя.

– А что вообще известно об этом зеркале рыцарства? – Принц Джон старательно уводил разговор в сторону от прямо поставленного вопроса.

– Родители его вам хорошо известны, нет смысла на них останавливаться. Участник крестового похода. Весьма искусный и опытный боец. Отважен до дерзости и в то же время осторожен.

– Разве такое может быть?

– Как видим, может. Вообще очень экстравагантный характер. Ему бы родиться не в наш просвещенный двенадцатый век, а в темные времена короля Артура.

После возвращения из Святой Земли носится взад-вперед по Европе, совершая ряд «чуждачеств», одно из которых вам хорошо известно.

– Воистину.

– Что еще? Имеет двух братьев и сестру. Средний его брат известен как умелый правитель и полководец, весьма, правда, равнодушный к золоту, в особенности чужому. Бывает горяч и жесток, особенно когда пьян.

– И как часто это бывает?

– Всегда.

– Хорошо. А младший?

– Младший в юные годы тоже слыл неплохим воином, однако внезапно стал набожен и, того и гляди, примет сан.

– Конечно, не обошлось без чьих-то прекрасных глаз? Не может же, право слово, вестфольдинг в здравом уме мечтать о посте и молитве?

– Сие никому неведомо. Сестру же его вы вполне можете знать лично, Ваше Высочество.

– Даже так?

– Надо сказать, девица под стать своему братцу. Сейчас она проживает в замке Шангайл на границе с Шотландией.

– Да, припоминаю, Шангайл – такая полуразвалившаяся башня на спорных территориях.

– Ну башня, положим, уже вполне целая, а на землю вокруг нее, во всяком случае, Шотландия больше не претендует. Но речь сейчас не об этом.

Пятнадцать лет от роду сия красавица, переодевшись, как водится, пажом, сбежала в Святую Землю совершать подвиги, что, надо отметить, ей блестяще удалось. Несмотря на свой юный возраст, она была удостоена чести получить рыцарское звание за подвиги на поле боя и вот, когда на ногах у нее уже позвякивали золотые шпоры, она нежданно была изловлена своим старшим братом и со скандалом отправлена домой, к родительскому очагу. Однако там она долго не задержалась. Рассорившись со всеми родственниками, она удалилась в Шангайл, принадлежащий ей через родство с Невиллами, и теперь обретается в этом разбойничьем гнезде, наводя ужас на округу по обе стороны границы.

– М-да, веселая семейка.

– Что вы хотите, принц? В их жилах смешалась кровь вестфольдингов и гасконцев. Однако вернемся к делу. Мой господин настаивает на том, что король Ричард не должен умереть ранее того, как будет подписана капитуляция Франции. Потому ваше выступление должно быть отложено минимум на полгода.

– Вряд ли это возможно. К тому же появление Камдила здесь и сейчас – очень опасный признак. Мы должны спешить, если не желаем опоздать навсегда.

– Ни о какой спешке речи быть не может. Вы ведь не хотите, чтобы известное вам послание, где вы предлагаете пятьдесят тысяч солидов за голову своего брата, стало известно во всех городах и замках ваших владений? Что же касается Вальдара Камдила, думаю, что мой господин будет крайне удивлен, узнав, что этот авантюрист помешал осуществлению ваших планов, тем более что сейчас вы держите его в руках.

– наших планов, – спокойно поправил принц Джон, – наших планов. К тому же, помнится, подобная неприятность уже произошла однажды с вашим господином, причем в удивительно схожей ситуации.

– Тем более.

И тут я наконец понял, кто был собеседником принца Джона.

– Лис, ты знаешь, кто в гостях в этом замке?

– Мы!

– Правильно. А еще здесь имеет честь обретаться герольд Лейтонбург.

– А вот тут ты не совсем прав, Капитан. Здесь имеет честь обретаться, как ты выражаешься, герольд Императора Священной Римской империи Оттона II.

– Ну да, конечно, что в общем-то ситуации не меняет. А она такова: сказать, что пахнет паленым, значит всенародно признать, что у нас плохо с обонянием. Мы пылаем, как олимпийский факел.

– Ша, кабан, не кипешуй. Сейчас ты пойдешь к Джону, напоешь ему военных песен за любовь, а я пока Виконта энд компани, как говорят у вас на Диком Западе, выведу из Ноттингема. А потом мы сами тихо-тихо сделаем отсюда ноги – в общем, как обычно: волка ноги кормят – солдата они спасают.

– Ладно. Убедил, черт языкатый. Пойду выпью-закушу.

– Все б так убеждались. Давно бы на «линкольне» за картошкой ездили.

– А мне с тобой можно? – жалобно посмотрел на меня Крис, отчаянно сознавая, какое пиршество от него ускользает.

– На твой век, боец, сухпая хватит, – оборвал последние надежды стажера мой доблестный напарник. – В бой идут одни старики!

– Вот так мы и живем, – обреченно вздохнул де Монгийе и стал укладывать приемник.

Глава седьмая

Бег не только физически укрепляет вас, но и благотворно влияет на сердечно-сосудистую и нервную систему.

Афинский гонец после битвы при Марафоне

Я исполнил обещание, данное Лису: изрядно выпил и закусил. Единственное, что меня несколько смущало, это жареный лебедь с вызолоченным клювом, установленный, как на грех, прямо передо мной и целый вечер назойливо предлагаемый мне расторопным слугой. Со школьной скамьи я твердо помнил, что лебязье мясо малосъедобно, и, поскольку уклониться от угощения было практически невозможно, теперь я ожидал больших неприятностей.

Надеяться оставалось только на опыт Лиса, утверждавшего, что хорошо проспиртованный желудок никакая зараза не берет. Сидевший подле меня принц Джон, в течение всего пира бдительно следивший, чтоб я, не дай Бог, не остался голодным, в очередной раз сделал знак слуге подложить мне вторую лебязью ножку и, подняв кубок, с приветственной речью обратился к собравшимся:

– Милорды! Я поднимаю этот кубок за то, что собрало нас под этими сводами. За то, чему посвящены наши жизни и мечи, – за благо Англии!

Конец фразы утонул в приветственных криках и звоне кубков.

Проявление патриотических чувств было столь бурным, что появившемуся в дверях мажордому дважды пришлось стукнуть своим жезлом об пол, добиваясь некоего подобия внимания пирующих. Его Высочество поднял руку, призывая своих соратников к молчанию. В установившейся тишине старый слуга произнес хорошо поставленным голосом:

– Ее Высочество Лаура-Катарина, принцесса Каталунская!

Недоумение на лице младшего Плантагенета моментально сменилось радушной улыбкой. Та, имя которой было Лаура-Катарина, стремительно прошествовала в пиршественную залу, обгоняя слова мажордома. Все встали. Одновременно и не сговариваясь, и я – в числе первых.

Улыбка, которой принцесса одарила присутствующих, моментально заслонила мечи, кубки и благо Англии.

– Я приветствую вас, господа! – произнесла, а точнее, пропела она.

Да, это была воплощенная дочь юга! Глаза ее были черны, как ночи Барселоны, кожа нежна и напоена лучами весеннего солнца, как утро ее родины, и вся она светилась, озаряя собой промозглый сумрак Ноттингемской цитадели. Не знаю, о чем еще собирался разговаривать со мной принц Джон, но, видимо, нашу беседу Его Высочество решил отложить до лучших времен. Ибо внимание его безраздельно принадлежало внезапно появившейся принцессе.

«Мне кажется, противник нам с кем-то изменяет», – процитировал я Короля-Солнце и с горя вызвал Виконта.

– ...В общем, Крис, запоминай. Ты выпиваешь один кубок, падаешь за ложе, лежишь там тихо, что бы ни случилось.

– А почему, собственно, только один кубок? – возмутился Вик. – Я и больше могу.

– Я очень рад за тебя, но ты уж, будь добр, считай, что у тебя сегодня малоалкогольная диета...

– А, это ты, Капитан! – услышал меня Лис. – Не мешай, сейчас здесь будет происходить действие. Так, ребята! Ваша роль крайне ответственная – вы будете дураками на подхвате, – обратился Лис к Вилли Статли и второму робиновскому стрелку.

– Вон, видите, те два бурдюка? Сейчас тут соберется здешняя стража с целью небольшого мальчишника.

На лицах обоих «вольных стрелков» выразилось легкое недоумение, переходящее в тяжелый мозговой ступор.

– Я буду толкать речи. Вы наливаете содержимое этих емкостей в кубки. Не спутайте мой с другими: мне – половину, остальным – полные, – раздавал указания Лис.

– Разумная предосторожность, – усмехнулся я.

На протяжении последующего часа я развлекался тем, что выслушивал тосты, произносимые принцем Джоном, становившиеся все красочнее и витиеватее, и наблюдал сцену попойки в моих покоях, становившуюся все гнуснее и гнуснее.

– ...Так выпьем же, господа!..

– ...Ша, братан! Не гони беса...

– ...Сударыня, вы – благоуханный цветок южных земель!..

– ...Чистейший натурпродукт, настоянный на мандариновых корочках. С перцем, – подумав, добавил Лис.

Наконец-то наступил долгожданный момент. Последний стражник тихо сполз на пол, трогательно уткнувшись носом в вышитую восточную подушечку.

– Салабоны они тут со своим элем! – прокомментировал увиденное мною Лис. – Всего-то два бурдюка «Лисового напию».

Зная тактико-технические характеристики этого гнусного пойла, я подивился могучим организмам стражников.

– Виконт, мальчик мой, вставай, нас ждут из подземелья! Мальчики, подберите себе шмотки по размеру, – указывая на отдыхавших на полу стражников, распорядился Лис.

Недоумевающие лесные братья быстро и четко потрошили беспробудное воинство.

– В кордегардию их, что ли, перенести? А то кэп придет, ругаться будет, что мы тут намусорили. А, ладно! Потом сам уберу. Эй, приятель, чего разлегся, работать надо! – хорошенько потряс Рейнар ближайшего стража. – Иди, дверь за нами закроешь.

Жертва алкогольной зависимости, не открывая глаз, подняла голову.

– Да пошли же, тебе говорят! – Лис рывком поднял его на ноги и поволок за собой.

Почувствовав в руках знакомый штурвал, стражник сомнамбулическим движением повернул его, и плита, загораживающая выход, поползла в сторону.

– Что дальше делать, знаешь? – спросил своего привратника Сережа. Тот согласно кивнул головой.

– Молодец! Тогда тут и стой. Я скоро вернусь. Так, Капитан, – обратился он ко мне. – Щас мы идем к нижним воротам; если я буду переться откровенно в стену, ты меня предупреди.

Ха! Он думал, что я могу ему чем-то помочь! Конечно, вино, подаваемое за столом принца Джона, не обладало той разрушительной мощью, что лисовский самогон, но все-таки начал я значительно раньше. По дороге к воротам Рейнара с товарищами окликнули: «Стой, кто идет?»

– Ричард Никсон! – подумав секунду, гордо отозвался мой напарник.

Я похолодел, дивясь наглости своего друга.

– А, это ты, Дик? Ну ты и нажрался! Старайся держаться в тени! Рыжий Бен еще не улегся спать, – донесся тот же голос, но уже лишенный суровости.

Не знаю, кто был этот Рыжий Бен, но дважды упрашивать Лиса держаться в тени, пожалуй, не стоило. Оставшийся путь до ворот Лис и его спутники проделали без особых приключений.

Сонный стражник возле них, уткнувшись в древко копья, клевал носом.

– Где командир? – стараясь говорить как можно более четко, выдавил из себя лжепрезидент Соединенных Штатов.

– А, это вы? – внезапно услышал он у себя за спиной.

– Это? Мы, – качаясь, недоуменно подтвердил Лис.

– Скорее берите коней на конюшне. Томас, открой ворота!

Пока Виконт и робиновские стрелки отвязывали коней. Лис сделал попытку рассмотреть своего неизвестного доброжелателя, но тщетно. Среднего роста человек, закутанный в плащ, стоял так, что свет, даваемый факелом, не достигал его лица.

– Не задерживайтесь в пути! – напутствовал он троицу, выезжавшую за ворота. – В Лондоне ждут ваших известий! Пароль на выезде из Ноттингема – «Эскалибур».

...В свои апартаменты я возвращался на ощупь. В коридорах замка изрядно штормило.

– Лис, ты там как? – возобновил я связь. Двойное изображение в моих глазах сменилось тройным. «Неужели связь выбило? Этого только не хватало!»

– Ща, Капитан. Все путем... Как, по-твоему, гобелены моргают? – Вернувшийся незадолго до меня Рейнар в глубокой задумчивости стоял посреди комнаты и тупо пялился на стену.

– Лис, ты бахнул! Наведи резкость.

– Нет, ты мне точно скажи, моргают или нет? Ответ боевому товарищу. Я в сомнении.

– Это что тебе – Вашингтон на стодолларовой купюре?

– Значит, не моргают. А ну не моргай! – слышался душераздирающий вопль и треск разрываемой ткани.

«Сам разберется», – решил я, отключая связь. К моему удивлению, решетка перед кордегардией была полуопущена. Я с радостью нащупал шнурок звонка и облегченно повис на нем.

– Ну нормально! Чего бы я тут так трезвонил? – слышался на лестнице голос Лиса.

– Лис, осторожно, двери!

– Да что там те двери! Этот пьяный придурок здесь что-то так напортачил, что теперь вообще ничего не закрывается. Вот и доверяй всяким забулдыгам дорогостоящую технику! – запинаясь на каждом слове, произнес мой напарник.

Наконец с третьей попытки, выбрав из пяти предоставлявшихся нашему взору дверей нужную, мы прошли в караульное помещение. Теперь оно напоминало хирургический кабинет: все в нем было тихо и проспиртовано.

– Что там у тебя за дела с гобеленом? – поинтересовался я у своего друга.

– Ща, Капитан, увидишь.

Посреди нашей комнаты валялось некое тулово, припорошенное обрывками гобелена.

– Кто такой?

– А бес его знает!

– Чего хотел?

Лис неопределенно пожал плечами:

– Не знаю. Я его, похоже, слегка пришиб.

– Ну, Лис, это ты зря.

– А не фига было моргать на посту! Зато посмотри, что я нашел! – Он ткнул пальцем в стену, еще недавно украшенную гобеленом. – Лестница. Самая что ни на есть. Предлагаю сыграть в Буратино.

Выдернув из державок пару горящих факелов и захватив свое оружие, мы начали спускаться вниз. Пройдя десятка два ступеней, мы уперлись в дверь.

– Заперто, – констатировал мой верный соратник.

– Ну так постучи! Ибо сказано: стучащему да отворяется.

Недолго думая, Рейнар забарабанил кулаками в филенку. Послышался звук отодвигаемого засова, дверь резко распахнулась.

– И ты не моргай! – Следующий удар пришелся по челюсти возникшего на пороге стражника. – Ты, собственно говоря, кто такой? – запоздало вспомнил мои наставления д’Орбиньяк.

Нокаутированный солдат оставил этот вопрос без ответа. Аккуратно переступив через жертву лисовского произвола, мы проникли в небольшую круглую комнату, количество бойниц в стенах которой не оставляло сомнений в ее предназначении.

– Лис, как врач-травмапевт врачу-травмапевту признайся: ты тренировки по скалолазанию давно посещал?

– Да уж не вчера.

– Вот и я не вчера... Но сейчас, однако, придется отрабатывать тему «спуск дюльфером». Причем если нам ее не зачтут, то пересдача будет происходить в подземелье Ноттингема. Итак: точка А – на этой галерее, точка В – во-о-он там, внизу.

Лис вышел на галерею и с сомнением посмотрел вниз.

– А других домашних заготовок у тебя нет?

– Нет. А ты вниз не смотри. Я помню, мне инструктор говорил, что вниз смотреть нельзя.

Лис вздохнул и принялся деловито вытаскивать из пояса тонкий прочный шнур со множеством узлов.

– Ума не приложу, Капитан, почему ты никогда не предусматриваешь каких-нибудь человеческих способов ухода, например, с помощью ступеней?

– Это что, память о неудавшихся спусках? – игнорируя его вопрос, спросил я, указывая на веревку.

– Да, и сегодня будет повод завязать еще один, – недобро глядя на меня, хмыкнул Лис. – Насчет дюльфера я сильно сомневаюсь; если, конечно, у тебя не зарезервировано место в папской капелле, – с нескрываемым ехидством добавил он. – Хотя это, в общем, не важно. Здесь всего десять метров троса.

– Ну что ж, это примерно две трети предстоящего полета, – ободрил я своего напарника.

– А оставшуюся треть?

– И-к! Пешком...

Неся чувствительные потери в самоуважении, мы начали свой героический спуск.

– Почему люди не летают, как птицы? – торжественно, с болью в голосе процитировал Лис слова какого-то очередного русского классика, шлепаясь рядом со мной на немилосердную твердь двора.

На галерее, с которой мы только что так удачно спустились, замелькало пламя факелов, слышались какие-то крики и лязг оружия.

– Сдается мне, Капитан, у нас скоро будут последователи, – неожиданно трезвея, видимо, от падения, заметил Рейнар. – Так... Куда дальше?

Я огляделся по сторонам:

– Туда!

Ближайшим от нас зданием была часовня.

– Это правильно, командир. Самое время о душе подумать.

Часовня представляла собой очень странное сооружение: кряжистые романские стены и венчавшая их утонченная готическая крыша.

«Надеюсь, на праве укрытия этот мезальянс никак не сказывается», – подумал я.

– Ну что ж, отпустим друг другу грехи! – съерничал Лис, когда мы с ним укрылись в исповедальне.

Помещение церквушки стало наполняться стражей.

– Остается надеяться, что природная испорченность этих джентльменов помешает им прийти к мысли исповедаться в столь поздний час, – прошептал я Лису, вжимаясь в стену.

Вдруг под нашими ногами раздался странный шорох. Мы изумленно воззрились на плиту, которая начала медленно отодвигаться в сторону.

– Это не крыса... – шепотом подытожил я наши наблюдения.

В образовавшемся отверстии блеснула отполированная временем тонзура.

– Спокойно, святой отец, – угрожающе прошипел Лис, зажимая ладонью рот изумленного служителя культа. – Не дергайтесь. Mea culpa! [17 - Mea culpa – «моя вина» – установленная формула начала католической исповеди.]

Судя по испуганному выражению глаз монаха, эта новость его несколько не обрадовала. Две объемистые фляги, нежно прижимаемые к чреву, ясно указывали на цель его паломничества. Он попытался что-то промолвить.

– Тише, отец мой. Тут слишком людно и не место для откровений. – Лис пинком втолкнул монаха обратно в лаз, и мы оба последовали вслед за ним.

Нора, в которой нам довелось очутиться, была явным творением рук благочестивых отцов, нашедших кратчайший путь к источнику aqua vita.[18 - Aqua vita – буквально: «вода жизни».]

Вскоре мы очутились в обширном подвале, сплошь заставленном бочками, бочонками, бутылками, флягами и прочей винно-водочной тарой.

– Побудьте с нами, ваше преподобие, здесь никто не отвлечет нас от возвышенных молитв и мыслей о тщете всего сущего, – произнес я, зябко поеживаясь.

В отличие от вина, я чувствовал себя здесь крайне неуютно. Похоже, мои спутники ощущали себя не лучше. Лис, осознав себя отвратительно трезвым, начал лупить какой-то бурдюк, дико вращая глазами и выкрикивая невнятные угрозы принцу Джону, здешнему промозглому климату и всему феодальному строю в целом. У монаха, по-видимому, начали зарождаться какие-то смутные подозрения.

– Пощадите, не убивайте меня! Я помогу вам выбраться отсюда. Я никому не скажу, что видел вас. Не убивайте! Я знаю, где здесь находится потайной ход.

– Вот уж не было печали – убивать священника. Всего лишь небольшая теософская беседа на тему девяностого псалма: «Ибо ангелам своим заповедает о тебе – охранять тебя на всех путях твоих»... Постой-постой, что ты там говорил о потайном ходе?

– Клянусь святым причастием, здесь есть... Мы нашли!.. – сбивчиво и радостно затараторил монах. – Да-да, мы нашли его с братом Ансельмом в пустой бочке. Я покажу, сейчас же покажу, только не убивайте!

– Да Бог с вами, отче! О горнем помышляйте, а не о земном. Где там ваш выход?

Лис с нескрываемым сожалением посмотрел на окружавшие его богатства:

– А может, все же повременим с побегом?

– Лучше запомни дорогу, заглянем сюда после победы. На тебя, отче, уповаю! – напутственно шлепнул я по пухлой спине святого отца. – Шевелите ногами.

Уверенно минуя рифы мозельского и токайского, монах резвым аллюром затрусил к пирамиде амонтильядо.

– Здесь, здесь! – Он радостно потянул на себя одну из крышек, и перед нами разверзлась воистину бездонная бочка.

– Прямо «Три толстяка», – хмыкнул за моей спиной Лис. – Падре, на какую капустную грядку мы попадем?

– Не знаю, – пожал плечами падре. – Отпустили бы вы меня, дети мои?..

– Э-э, нет. А как же наш теологический диспут? Ступайте вперед и помните о всеблагости Господней.

Монах вздохнул и, обреченно пыхтя, полез в дыру.

– Бодрее, отец мой! Не задерживайте движение! – непочтительно напутствовал первопроходца Лис, сопровождая свои слова увесистым пинком по филейным частям монаха. На наше счастье, ход был значительно шире бочонка, и мы могли двигаться в нем без труда. Идти пришлось долго. К моему удивлению, тоннель был прямой, как стрела, и не имел ни поворотов, ни ответвлений. Наконец, прошагав где-то минут двадцать, мы уперлись в глухую стену.

– Неожиданный финал для столь удачно начавшегося путешествия. Ты не находишь, Лис? Ну и куда дальше, святой отче?

– Не знаю, сын мой. – Священник сконфуженно пожал плечами. – Я здесь никогда не бывал.

– Может быть, здесь просто что-нибудь недостроили? – выдвинул версию Лис.

– Угу. Например, выход. Маловероятно, – произнес я, ощупывая стену. Внезапно мою руку повело сильно вправо, и пальцы сами собой обнаружили небольшое углубление в каменном своде.

– Ну-ка, ну-ка, это уже интересно. – Я провел рукой выше и нащупал точно такое же. – Это несколько проясняет дело, – пробормотал я, пытаюсь прийти в себя от удивления и включая связь.

– Лис, похоже, здесь лестница.

– Падре, когда в последний раз вам доводилось наблюдать чудеса? Смотрите внимательно! Рейнар, давай посох.

Я ткнул палкой гранитный потолок, и она наполовину вошла в каменную толщу.

«Крашенная материя!» – услышал я в голове восхищенный голос моего догадливого напарника. В углу тихо и быстро крестился монах.

– Да вы не бойтесь, – успокаивал его Лис. – Для моего друга такие чудеса – раз плюнуть, обычное дело.

Воспользовавшись обнаруженной лестницей, я начал подниматься вверх. Помещение, в котором я оказался, было узкой нишей, в которую едва мог втиснуться один человек. Два тонких лучика зыбкого света, пробивавшихся сквозь отверстие в камне, были единственной отрадой этого каменного мешка. Я прильнул к ним, пытаюсь определить наше местонахождение.

– Лис, это не выход. Это наблюдательный пункт. Ищи там, внизу. Обрадовать могу только одним: если тут мы и ляжем, наши тела будут покоиться в освященной земле. Мы на кладбище.

Глава восьмая

Она так прекрасна, что просто грех не убить кого-нибудь в ее честь!

Приписывается Ланселоту Озерному

Перед моими глазами открывался веселенький пейзаж.

Всюду, куда ни достигал мой взор – а достигал он сравнительно недалеко, – в живописном беспорядке высились надгробия.

И вдруг у одного из памятников я заметил две фигуры. «Поздновато для посетителей», – удивился я.

Снизу слышались возня и сдавленная ругань Лиса.

– Тише, Рейнар!

– Да ни черта нас отсюда не услышат.

– Мне тоже ничего не слышно!

Лис приумолк, и я явственно различил хруст щебня под ногами пришельцев. Было так тихо, как бывает на кладбище ночью. Где-то ухала сова, ввергая в суеверный трепет души честных христиан. Вдалеке выла собака, созерцая на небе огрызок луны. В общем, самое время заняться приведением в порядок разрозненных впечатлений сегодняшнего, а точнее, уже вчерашнего дня.

А задуматься было над чем. Я не в первый раз бывал в подобного рода переделках, а потому отлично знал, насколько ничтожен шанс вмешательства его величества случая в таких ситуациях. Конечно, однозначно сбрасывать этот фактор было никак нельзя, но и надеяться на него – это все равно что ожидать солнечного затмения безлунной ночью.

И все-таки сегодня мне везло. Определенно везло. Ничего сверхневозможного, безусловно, не происходило. Бушующее море не расступалось перед беглецами, чтобы через мгновение снова сомкнуться, поглощая в своей пучине фараоновы колесницы. Но все же, даже если отбросить случайности «рукотворные», вроде тайного агента неизвестно чьей разведки, выпустившего Виконта, или этих чертовых электронных игрушек, прихваченных с собой бестолковым стажером, список нерукотворных совпадений был бы неестественно велик.

Сюда можно было смело занести и Дика Никсона в охране цитадели, и поломку механизма запирающей решетки, и моргающий гобелен, и лейтонбургского герольда, и путешествующую красотку, начисто отбившую у принца Джона

интерес к моей скромной персоне, и забулдыгу монаха, и ход в исповедальне, и этот странный наблюдательный пункт, в котором я сейчас обретался.

Безусловно, количество спирта в моей крови никак не оставило бы равнодушным любого взятого на выбор сотрудника дорожной полиции, но я был не настолько пьян, чтобы хоть на минуту причислять все эти странные совпадения к разряду случайностей.

И, что самое забавное, памятуя о своей руке, самопроизвольно нашаривавшей ступени на стене подземного хода, мне почему-то казалось, что список «случайностей» на сегодняшний день еще далеко не завершен.

Между тем поздние посетители некрополя приближались, о чем-то оживленно беседуя между собой. Казалось, ни судьбы покоящихся в этой земле, ни то, как проходит слава земная, ни в малейшей степени не волновало странных экскурсантов.

Один из них, несмотря на свой возраст – явно старик! – и изрядную худобу, производил впечатление человека физически крепкого и закаленного превратностями судьбы. Он безуспешно пытался умерить шаг, подстраиваясь под движение своего спутника, но по всему было видно, что ходить медленно он не приучен.

Собеседник этого стремительного старца немного превосходил его ростом и был весьма широк в плечах. Во всей его стройной, но в то же время крупной фигуре чувствовались недюжинная сила и повадка ловкого бойца. Однако движения его были по-кошачьи мягки, и он с явной неохотой спешил за своим престарелым поводырем, вещавшим что-то с видом человека, привыкшего к безоговорочному повиновению.

– Я совершил дальний путь, чтобы сообщить вам это, – произнес старец тем тоном, которым прославленные полководцы сообщают своим недалеким монархам о взятии «на копье»[19 - На копье – то есть с ходу, штурмом.] неприступной крепости противника.

Парочка, прогуливавшаяся по этой обители вечности в столь неурочное время, наконец приблизилась к моему наблюдательному пункту настолько, что я мог, напрягая слух, слышать их разговор.

– Я очень ценю вашу доброту, мессир, – отвечал его спутник.

– Речь сейчас не идет о доброте. И уж не о моей доброте, во всяком случае. Так постановили приоры пятнадцати башен из шестнадцати, и триумвират великих иерархов счел возможным предпочесть вас вашему брату.

– Но мой брат...

Старик отрицательно покачал головой.

– Он не имеет знака и соответственно не может быть адептом – хранителем божественной крови. Однако при этом он не желает повиноваться капитулу. Следовательно, ваш брат должен умереть! – завершил он тоном, не допускающим и самую возможность возражения.

– Да, но мы оба – ростки этого дерева. Пылкие ростки.

– Я не хуже вас осведомлен об этом, и, поверьте, я очень сожалею о том, что должно произойти. Но иного выхода нет. Так хороший садовник обрезает гниющую ветвь, чтобы сохранить остальные.

– Но кто может судить о том, какая ветвь гнилая, а какая – нет?

– Мы. И вы прекрасно знаете об этом.

Могучий собеседник железного старца немного помолчал, очевидно, обдумывая услышанное.

– Вы предлагаете мне неслыханную, более того, небывалую власть. И что вы просите взамен? Ничего? Я не верю в это. Бесплатный сыр бывает только в мышеловке.

– Я передаю в ваши руки то, что издавна и по праву принадлежит вашему роду. Взамен же мы требуем лишь одного: точного соблюдения предначертанного. И помните: хрустальная клепсида[20 - Клепсида – водяные часы.] в круглой зале замка свидетельствует о приближении заветного часа.

– А черт! – послышался внизу отчетливый возглас Лиса. – А ну-ка, ну-ка! Что это у нас тут такое?

Насколько я понимал, случайности продолжали неумолимо случаться.

– Клянусь брюхом Господним, это воск, – продолжал мой друг. – А это что у нас за цепь?

То, что произошло дальше, ввергло в шоковое состояние всех невольных свидетелей случившегося и меня в первую очередь.

Сквозь каменные глазницы я с ужасом увидел, как поднялась и с грохотом упала в сторону мраморная крышка надгробия, с которым как раз поравнялись мои собеседники. Но это были только цветочки. Полуистлевший гроб, явив себя взору восхищенной публики, вдруг, как по мановению волшебной палочки, стал подниматься и, поднявшись, торжественно распался на части. Перед оторопевшими зрителями предстал человеческий остов в ошметках того, что некогда составляло его последний наряд. Пальцы скелета сжимали ржавый меч.

– На тебя, Господи, уповаю, да не посрамлюсь вовек! – услышал я голос старца, мгновенно пришедшего в себя и обнажившего свой клинок.

Я не успел уловить момент, когда ретировался его спутник, но видно было, что и старый рыцарь не горит особым желанием вступить в бой с выходцем из преисподней. Когда же из могильной ямы начал вылезать некий демон, рука моя невольно поднялась, дабы свершить крестное знамение. И только лунный луч, блеснувший на тонзуре поднимавшегося вслед за ним монаха, вернул меня к действительности.

– Нормально, Капитан! Они таки достроили этот тоннель! Конечная станция, джентльмены, просьба освободить вагоны.

Я с радостью последовал совету моего друга. Честно говоря, я давно уже так не радовался вечерней прохладе.

Внезапно святой отец, дотоле дико озиравшийся по сторонам, с резвостью, не угадывавшейся первоначально в его дородной фигуре, метнулся в сторону, оглашая кладбищенский воздух истошными воплями:

– Демоны! Держи вора! Пожар! Помогите! С нами крестная сила!

– Волка ноги кормят... – произнес Рейнар. – Капитан, делаем ноги! И побыстрее.

Кладбище явно оживало... Невдалеке уже слышались бряцание оружия и топот ног. Наша экскурсия по кладбищу не заняла много времени. Жилища мертвых быстро сменились пристанищами живых, но вторые были закрыты так же, как и первые.

– Капитан, здесь явно ждут гостей! – Лис указывал на полуоткрытую дверь в одном из ближайших строений.

– Что ж, зайдем на огонек.

Мы решили не заставлять ждать гостеприимных хозяев и стремительно вознеслись вверх по лестнице. Очутившись на площадке перед дверью в жилые покои, я, к ужасу своему, различил стражника, стоящего, облокотясь на копье. Бегущий вслед за мною Лис среагировал на секунду быстрее: он резко выбросил руку вперед и, ухватившись за древко копья, на которое опирался стражник, пнул его ногой в живот. Несчастный отлетел в сторону и безжизненным мешком рухнул на пол, демонстрируя нам окровавленную рану в районе затылка.

– Черт побери! Да он мертв, – констатировал я. – Интересные дела тут творятся.

Оставив бедолагу, которому наша помощь была уже бесполезна, мы распахнули дверь и тут же наткнулись еще на два трупа, лежащих на полу.

– Похоже, здесь тоже не скучали.

Внезапно откуда-то из конца коридора, в котором мы находились, послышался возмущенный женский крик. Лис вопросительно посмотрел на меня. Я пожал плечами:

– Что делать? Пошли...

Ударом ноги распахнув дверь, мы ворвались в комнату.

– Всем на пол, падлы! Уголовный розыск! Руки за голову! Фанеру к осмотру! – завопил Лис.

Не знаю, какое впечатление произвел этот страстный монолог Сережи на его потенциальных клиентов, но действие, происходившее в комнате, на миг остановилось. «А у принца Джона губа не дура», – подумал я, увидев перед собой давешнюю красотку. Прямо скажем, она была не совсем одета.

Из верхней одежды на ней были лишь нательный крестик и веревка, которой ее пытались связать явно неизвестные Ее Высочеству личности. Клянусь причастием, у нее была самая прекрасная грудь из виденных мной за последние несколько лет. Я был настолько поглощен созерцанием роскошных форм недовязанной жертвы, что в чувство меня привел лишь сильный удар кинжалом в область желудка. Нижняя рубашка из лучшего лионского кевлара[21 - Кевлар – синтетическая ткань для производства бронежилетов.] спасла мое пищеварение от столь грубого вторжения. Однако удар был весьма чувствителен.

– Сударыня! – наконец возмутился я. – Прикройтесь, вы мешаете работать!

Обескураженный неудачей негодяй хамским образом попытался повторить свой маневр. Это уже было слишком. Перехватив запястье нападавшего, я другой рукой зафиксировал его локоть и, поворачиваясь, направил разбойника головой в стену. Удар был силен, но проломить каменную толщу с первого раза ему не удалось. Похититель так и остался лежать, обдумывая этот печальный факт.

Схватка со следующим противником заняла немногим больше времени. Его стремительная атака завершилась тем, что, наткнувшись на собственный кинжал, он рухнул на пол, вспоминая перед смертью древнее выражение на тему того, от чего погибает поднявший меч... Оставшиеся два бандита, имевшие несчастье атаковать Лиса, тоже не заставили себя долго упрашивать. Несомненно, мой напарник был лучшим боксером этого графства.

– Кто позволил вам врываться в мои покои без стука? – донесся из-за занавесей мелодичный голос спасенной нами дамы.

– Я стучал... – глядя на сорванную с петель дверь, начал оправдываться Лис.

– Прошу извинить нас, сударыня, если мы вам помешали. – Я на секунду умолк, подыскивая подходящую случаю куртуазную фигуру речи.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Морион – открытый шлем с железными полями и высокой тульей, увенчанной гребнем. Относится к XVI-XVII вв. – Здесь и далее примеч. авт.

2

Брауни – в Англии: существо вроде домового. Дух – хранитель дома. До сих пор в сельской местности существует обычай ставить брауни миску сливок.

3

Дага – кинжал, используемый для фехтования двумя руками – шпага и дага.

4

Защищайся!

5

Дзенкуцу-дачи – одна из стоек в карате.

6

Драбант – телохранитель.

7

Хауберг – кольчужный капюшон.

8

Драккар – парусно!гребной корабль викингов.

9

Гильдесгейм – город, в котором размещалась известная в раннем средневековье мастерская в монастыре Св. Михаила (Германия).

10

Котта – длинная накидка, вышитая геральдическими фигурами.

11

Алгиз – одна из рун скандинавского рунического алфавита. В нормальном положении (рогами вверх) означает защиту в истине. Вырезалась на оружии для обеспечения победы и сохранности в бою. В перевернутом (пацифик) – символ безвозмездного пожертвования, уязвимости.

12

Моргенштерн (утренняя звезда) – оружие, представляющее собой шипастый шар на ручке.

13

Линялый сокол – взрослый, опытный.

14

Бертран де Борн – известный рыцарь! менестрель конца XII в. Вначале сражался против Ричарда, позднее стал одним из его апологетов.

15

Бобби (сленг) – прозвище английских полицейских.

16

Намет – небольшой плащик, надеваемый рыцарями в Святой Земле поверх шлема, чтобы избежать перегрева.

17

Mea culpa – «моя вина» – установленная формула начала католической исповеди.

18

Aqua vita – буквально: «вода жизни».

19

На копье – то есть с ходу, штурмом.

20

Клепсидра – водяные часы.

21

Кевлар – синтетическая ткань для производства бронежилетов.

Купить: https://tellnovel.com/sverzhin_vladimir/kolesnichie-fortuny

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)